

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 4 № 1 2025

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

ISSN 2782-747X (Online)

CAURUS

научный журнал

2025 Том 4 № 1

CAURUS

2025. Том 4. № 1

Главный редактор

М. Б. Бессуднова (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

Редакционная коллегия

Д. И. Вебер (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого)

И. О. Дементьев (Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

Л. И. Ивонина (Смоленский государственный университет)

Н. Н. Наумов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

В. В. Пенской (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

А. Ю. Прокопьев (Санкт-Петербургский государственный университет)

А. В. Сиренов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

И. О. Тюменцев (Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН)

А. И. Филюшкин (Санкт-Петербургский государственный университет)

Редакционный совет

Н. Ангерманн (Университет Гамбурга, Германия)

М. Ю. Колпаков (Псковский государственный университет)

А. С. Котов (Томский государственный университет)

Т. Плат (Университет Грайфсвальда, Германия)

Е. В. Салмина (Археологический центр Псковской области)

Т. Н. Таценко (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

А. Д. Щеглов (Институт всеобщей истории РАН)

Переводчик: К. А. Мазурова

Технический редактор: Д. А. Ванюшкин, И. А. Негревский

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Адрес учредителя и издателя: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Телефон: 8 (8162) 627244

Адрес редакции: 173003, Россия, Великий Новгород,

ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 3402. Телефон: 8 (8162) 338830

E-mail: journal.caurus@gmail.com

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер № ФС77-83172 от 26 апреля 2022 г.

Официальный сайт журнала: <https://journal-caurus.ru>

Дата выхода: 28.03.2025

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2025

© Авторы статей, 2025

Все права защищены

YAROSLAV-THE-WISE
NOVGOROD STATE
UNIVERSITY

ISSN 2782-747X (Online)

CAURUS

scientific journal

2025 Vol. 4 No. 1

CAURUS

2025. Vol. 4 (1)

Editor-in-Chief

M. B. Bessudnova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Editorial Board

- I. O. Dementiev (Immanuel Kant Baltic Federal University)
A. I. Filyushkin (Saint Petersburg State University)
L. I. Ivonina (Smolensk State University)
N. N. Naumov (Lomonosov Moscow State University)
V. V. Penskoj (Belgorod National Research University)
A. Yu. Prokopiev (Saint Petersburg State University)
A. V. Sirenov (Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)
I. O. Tyumentsev (Federal Research Centre The Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences)
D. I. Veber (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University)

Editorial Council

- N. Angermann (University of Hamburg, Germany)
M. Yu. Kolpakov (Pskov State University)
A. S. Kotov (Tomsk State University)
T. Plat (University of Greifswald, Germany)
A. D. Shcheglov (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences)
E. V. Salmina (Archaeological Center of Pskov region)
T. N. Tatsenko (Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

Translation Editor: K. A. Mazurova

Technical Editor: D. A. Vanyushkin, I. A. Negrevskiy

Founder and publisher

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University"
Address of founder and publisher: 173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41. Tel.: 8 (8162) 627244
Corresponding address: 173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41, of. 3402. Tel.: 8 (8162) 338830
E-mail: journal.caurus@gmail.com

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Extract from the register of registered mass media No. FS77-83172 dated April 26, 2022

Official website of the edition: <https://journal-caurus.ru>

Release date: 28.03.2025

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2025

© Authors of articles, 2025

All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора.....	7
Псков, торговый город вне торговых путей: исторические реалии против историографической традиции	
С. А. Салмин, Е. В. Салмина.....	15
Отдельные судебные прецеденты между русскими и ганзейскими купцами в Нарве первой половины XVI века как источник для исследования механизмов русско-ганзейского товарообмена	
В. А. Якунина.....	27
На перепутье политики: Януш Радзивилл и Кейданская уния со Швецией 1655 года	
Л. И. Ивонина.....	37
«Бергенские игры» в освещении источников из Гамбурга и Бергена	
М. Б. Бессуднова, А. А. Лебедева	46
«История города Выборга» Юхана Вильгельма Руута: книга, которая ждала перевода 120 лет	
А. В. Мельнов, О. В. Костанда, С. А. Куприк.....	57

CONTENTS

Editor’s Foreword	7
Pskov, trading city outside trading routes: Historical realities vs. historiographical tradition S. A. Salmin, E. V. Salmina.....	15
Individual judicial precedents between Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for studying the mechanisms of Hanseatic-Russian trade exchange V. A. Yakunina.....	27
At the crossroads of politics: Janusz Radziwiłł and the union of Kėdainiai vs Sweden of 1655 L. I. Ivonina.....	37
Shedding light: The “Bergen games” in Hamburg and Bergen’s sources M. B. Bessudnova, A. A. Lebedeva.....	46
Johan Wilhelm Ruuth’s <i>History of Vyborg</i>: A century-long wait for translation A. V. Melnov, O. V. Kostanda, S. A. Kuprik.....	57

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Главная задача журнала «Caurus», очередной выпуск которого предлагается вниманию заинтересованного читателя, состоит в освящении и исследовании широкого спектра проблем, касающихся средневекового и нововременного периодов истории русского Северо-Запада, главным образом, Великого Новгорода и Пскова, и его ближайших западных соседей. Все они так или иначе имели экономические и/или геополитические интересы в Балтийском регионе, который с незапамятных времён являлся зоной их оживлённых контактов. У редакции журнала нет сомнения, что внимательное и непредвзятое изучение исторических корней взаимодействия России со странами Балтии, Польшей, Литвой, Данией, Норвегией, Германией в наше непростое время имеет глубокий смысл. Представители «золотой» плеяды советских медиевистов 60–80-х гг. прошлого столетия представляли западноевропейское Средневековье как время формирования политических, правовых, экономических и культурных основ европейского общества, которые в настоящий момент, к великому сожалению, серьёзно поражено «лишаём» разрушения. Природу этого деструктивного явления историкам ещё предстоит выяснить, как, собственно, и природу конфликтов России со странами Балтийского региона, которые дестабилизировали обстановку там на протяжении столетий и во много раз усилили свою взрывоопасность в современных реалиях. Постичь их суть можно посредством обращения к их корням, погрузившись на столетия вглубь веков, причём делать это предстоит профессионально, обращаясь к историческим источникам и всему фонду историографических наработок. Без исполнения этих обязательных условий исторической науке грозит «шариковщина» («А не согласен я...») и засилье идеологизированных дилетантских построений, которые в данный момент, что уж греха таить, уже пускают ростки в околоисторических пассажах популярных телевизионных шоу и публикациях.

Возвращаясь к содержанию настоящего выпуска, хочу отметить, что представленный в нём ряд сюжетов из истории отдельных стран Балтийского региона отсылают нас не только к их событийному плану, но также к связанной с ними историографии и историческим источникам – словом к тому, что превращает «профанную историю», о которой когда-то писал Августин Блаженный, в собственно науку. Нам следует расширять наши представления о путях исторического развития стран и о национальных характерах их народов с тем, чтобы при случае применять полученные знания при определении их роли в международных отношениях и в поисках рецептов разрешения возникающих там проблем.

Взаимодополнение историографических и источниковедческих (в данном случае археологических) изысканий присутствует в статье сотрудников Археологического центра Псковской области С. А. Салмина и Е. В. Салминой «Псков, торговый город вне торговых путей: исторические реалии против историографической традиции». Авторы отмечают, что несмотря на скудость письменных источников об экономической жизни Пскова XIII–XV вв., для российской историографической традиции принято его рассматривать как ранний и важный торговый центр русского Северо-Запада так называемого «ганзейского периода». Материал для размышлений и формирования нового подхода к выявлению торгового значения Пскова эпохи его

независимости (до 1510 г.) предоставляют археологические раскопки 2011–2013 гг. в пределах Нового Торга Пскова первой половины XVI в., который возник в качестве главной торговой площадки на западной окраине Московского государства, обладавшей огромной площадью и развитой торговой инфраструктурой. Авторы статьи полагают, что географическое положение Пскова вне основных континентальных торговых путей может быть одним из вариантов объяснения довольно позднего формирования его регулярных торговых связей. Что касается обилия иноземных артефактов более ранних веков, обнаруженного в ходе археологических раскопок, то оно, вполне возможно, объясняется существованием многочисленных, нередко внеэкономических, контактов Пскова, располагавшегося в непосредственной близости от русско-ливонской границы, и зарубежьем в Восточной Прибалтике. Только глобальное смещение торговых путей, вызванное изменением политической карты Восточной Европы, привело к повышению значения Пскова как важного центра транзитной торговли, дало толчок к росту торговых площадей, увеличению притока товаров и средств в город.

Статья «Отельные судебные прецеденты между русскими и ганзейскими купцами в Нарве первой половины XVI века как источник для исследования механизмов русско-ганзейского товарообмена» В. А. Якуниной, сотрудника НовГУ им. Ярослава Мудрого, содержит анализ отдельных аспектов внешней торговли Нарвы в контексте её экономических связей с ливонскими городами Ганзы и русскими городами. В процессе изучения комплекса архивных документов, касающихся административно-хозяйственной деятельности орденских фогтов и городского магистрата, автора интересует не столько соответствие этой деятельности нормативным установкам или, напротив, приёмам неформальной или «необычной» торговли, сколько характер взаимодействия двух ветвей городской администрации в сфере правового регулирования торгового предпринимательства, который представлен с учётом пограничной специфики. Фрагментарность и определённого рода конфликтоцентричность исторического материала, в массе своей касающегося ситуаций экстраординарных, может породить вопрос относительно правомерности исследователя производить индуктивные обобщения на такой довольно шаткой основе, а также сомнения в объективности полученного таким образом знания. При построении институциональных и поведенческих моделей, характеризующих представителей нарвской администрации, были использованы описания судебных прецедентов из разных письменных источников, а для повышения достоверности содержащейся в них информации автор обращается к возможностям дескриптивной (описательной) статистики, которая предполагает графическое оформление имеющихся у исследователя данных и построение на их основе трендов развития отдельных исторических явлений. В результате продуктивность обращения к судебным прецедентам как к средствам изучения международной торговли Нарвы и участия в том городских властей значительно возрастает, в частности, обнаруживается устойчивая тенденция во взаимодействии орденской и городской администраций в деле укрепления контактов с русским купечеством.

В статье Л. И. Ивониной (Смоленский государственный университет) «На перепутьях политики: Януш Радзивилл и Кейданская уния со Швецией 1655 года»

затрагивается проблема исторической подосновы популярного и многими любимого исторического романа лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича «Потоп», повествующего о трагических событиях шведского вторжения в Польшу 1655 г. Здесь дается развернутая характеристика и анализ поступков одного из самых противоречивых политиков Речи Посполитой периода её расцвета, Великого гетмана Литовского Януша Радзивилла. Г. Сенкевич придал его образу черты амбициозного авантюриста и предателя национальных интересов и в откровенно черных тонах представил подписанный тем в Кейданах союз (унию) Великого княжества Литовского со шведским королём Карлом X, направленную как против Польши, так и против другого могущественного врага Швеции, Российского государства. Такая трактовка деятельности Януша Радзивилла на долгое время стала достоянием польского коллективного сознания и польской же историографии, тогда как автор предлагаемой статьи счёл для себя возможным отказаться от предвзятости в отношении Великого гетмана и объяснить его шведскую политику рядом объективных обстоятельств, прежде всего, политическим заказом литовских магнатов и шляхты в захваченной шведами части Великого княжества Литовского, которые стремились к равноправию с польской элитой и защите своих властных прерогатив от покушений со стороны польской Короны. Благодаря ёмкой подборке историографических данных и подробному освещению исторического контекста политики Радзивилла она перестает казаться авантюрой, но представляется результатом сложного выбора, к которому он пришел в условиях крайне тяжелой международной обстановки. В случае претворения в жизнь условий Кейданского договора возникала реальная угроза денонсации Польско-Литовской унии и распада Речи Посполитой, что, впрочем, удалось избежать вследствие политического раскола в рядах литовской знати, часть которой выступила против Кейданской унии и в силу объективных обстоятельств сохраняли верность польскому королю.

В другой регион и другую социальную среду нас переносит статья М. Б. Бессудновой и А. А. Лебедевой (НовГУ им. Ярослава Мудрого) «"Бергенские игры" в освещении источников из Гамбурга и Бергена». В качестве предмета исследования здесь выступают два рукописных памятника из архивов Гамбурга и Бремена, касающихся одной из сторон жизни ганзейской конторы в Бергене («Немецкого моста») XVI–XVII вв., а именно, обряду принятия купцов в круг её постояльцев, который стал известен как «бергенские игры». Западноевропейские историки писали о них в конце XIX – первой половины XX в., используя в основном гамбургский манускрипт, тогда как рукописный памятник из Бергена, опубликованный в 2001 г. А. Нессе, позволяет дополнить наши представления об «играх» и отчасти прояснить вопрос об их целевой направленности, который до сих пор считается не до конца разрешённым. Практикуемые в них жестокие испытания водой, огнем (дымом) и плетью должны были удостоверить стойкость ганзейского купца и подтвердить его способность противостоять любым испытаниям, с которыми он может столкнуться, будучи «купцом на дальних расстояниях». Эта своеобразная инициация являлась прямым следствием ганзейских обычаев, согласно которым каждый купец, будучи участником торгового предпринимательства, нес персональную ответственность за сохранность жизней своих компаньонов, их товаров, корабля или торгового подворья.

Большая же часть испытаний, производившихся в Бергене, не были столь жестоки и были направлены на выявление чисто хозяйственных навыков новичка, связанных с приготовлением пищи, наведением порядка на территории конторы, плетением канатов и т. п. Всё это предопределялось отсутствием там женщин и, как следствие, обязанностью купцов самих заботиться о бытовой стороне своего пребывания на бергенской конторе.

Завершает выпуск презентация проекта, связанного с переводом на русский язык и публикацией классического труда Ю. В. Руута по истории Выборга («История Выборга» Юхана Вильгельма Руута: книга, которая ждала перевода 120 лет») сотрудниками Выборгского объединенного музея-заповедника А. В. Мельновым, О. В. Костанда и С. А. Куприк. С учётом той важной роли, которую Выборг играл на протяжении веков в развитии международных контактов государств Балтийского региона, включая Россию, и относительно небольшого количества монографических исследований на эту тему, появление русскоязычного издания книги Руута, которая освещает всё разнообразие проблем из истории города и в течение последнего столетия не раз предоставляла материал для исследователей, безусловно, будет должным образом востребована и российским читателем.

М. Б. Бессуднова

THE EDITOR'S FORWARD

The main objective of the 'Caurus' journal, the next issue of which is offered to the interested reader, is to highlight and explore a wide range of problems concerning the medieval and modern periods of the history of the Russian North-West, mainly Veliky Novgorod and Pskov, and its closest western neighbours. All of them in one way or another had economic and/or geopolitical interests in the Baltic region, which has been an area of their intense contacts since time immemorial. The editors of the journal have no doubt that a careful and unbiased study of the historical roots of Russia's co-operation with the Baltic countries, Poland, Lithuania, Denmark, Norway and Germany makes a profound sense in our difficult times. Representatives of the brilliant assemblage of Soviet medievalists of the 60-80s of the last century represented the Western European Middle Ages as the time for formation of political, legal, economic and cultural foundations of the European society, which at the present moment, unfortunately, is seriously affected by the 'dastre' of destruction. The nature of this destructive phenomenon is yet to be clarified by historians, as, in fact, is the nature of Russia's conflicts with the countries of the Baltic region, which have subverted the situation there for centuries and have increased their explosiveness many times over in modern realities. It is possible to understand their essence by turning to their roots, plunging centuries deep into the depths of centuries, and to do this professionally, referring to historical sources and the entire fund of historiographical developments. Without performance of these duties, historical science is in danger of 'sharikovshchina'¹ ('And I do not agree...') and an strangle of ideology-driven dilettantish constructions, which at the moment are already sprouting in the near-historical passages of popular television shows and publications.

Returning to the content of this issue, I would like to point out that a number of stories from the history of the individual countries of the Baltic Sea region refer us not only to their events, but also to the related historiography and historical sources – in short, to what makes 'profane history', as Augustine the Blessed once wrote, into a science proper. We should broaden our understanding of the historical development of countries and of the national characters of their peoples, so that we can apply this knowledge to the definition of their role in international relations and to the search for recipes for resolving the problems that arise there.

The complementation of historiographical and source (in this case archaeological) research is present in the article by S. A. Salmin and E. V. Salmina, members of the Archaeological Centre of the Pskov Region 'Pskov, trading city outside trading routes: historical realities vs. historiographical tradition'. The authors note that despite the scarcity of written sources on the economic life of Pskov in the XIII-XV centuries, it is common for the Russian historiographical tradition to consider the town as an early and important trading centre of the Russian North-West of the so-called 'Hanseatic period'. The material for reflection and the formation of a new approach to the identification of the trade importance of Pskov in the era of its independence (before 1510) are provided by archaeological

¹ 'Sharikovshchina' in Mikhail Bulgakov's story 'Dog's Heart' is a dangerous and destructive social phenomenon associated with post-revolutionary changes in society.

excavations in 2011-2013 within the Novy Torg of Pskov in the first half of the XVI century, which emerged as the main trading area on the western outskirts of the Moscow state, which had a huge area and developed trade infrastructure. The authors of the article believe that the geographical position of Pskov outside the main continental trade routes may be one of the options to explain the rather late formation of its regular trade relations. As for the abundance of foreign artefacts from earlier centuries discovered during archaeological excavations, it is quite possibly explained by the existence of numerous, often extra-economic, contacts between Pskov, located in close proximity to the Russian-Livonian border, and the foreign countries in the Eastern Baltic. Only the global shift of trade routes, caused by the change of the political map of Eastern Europe, led to the increased importance of Pskov as an important centre of transit trade, gave impetus to the growth of trade areas, increased inflow of goods and funds to the city.

In the article 'Individual judicial precedents between Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for studying the mechanisms of Hanseatic-Russian commodity exchange' by V. A. Yakunina, a member of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, some aspects of Narva's foreign trade in the context of its economic relations with Livonian Hanseatic cities and Russian cities are being analyzed. In the process of studying a set of archival documents concerning the administrative and economic activities of the Order's bailiffs and the city magistrate, the author is interested not so much in the compliance of these activities with the normative guidelines or, on the contrary, in the methods of informal or 'unusual' trade, as in the nature of interaction between the two branches of the city administration in the sphere of legal regulation of trade entrepreneurship, which is presented taking into account the border specifics. The fragmentation and a certain kind of conflict-centricity of the historical material, which is mostly concerned with extraordinary situations, may raise questions about the legitimacy of the researcher to make inductive generalizations on such a rather shaky basis, as well as doubts about the objectivity of the knowledge obtained in this way. In constructing institutional and behavioral models characterizing the representatives of the Narva administration, descriptions of judicial precedents from various written sources were used, and in order to increase the reliability of the information contained in them, the author turns to the possibilities of descriptive statistics, which involves graphical presentation of the data available to the researcher and the construction of trends in the development of certain historical phenomena on their basis. As a result, the productivity of turning to judicial precedents as a means of studying the international trade of Narva and the participation of the city authorities in it increases significantly, in particular, a stable tendency is revealed in the interaction between the Order and city administrations in strengthening contacts with the Russian merchantry.

The article by L. I. Ivonina (Smolensk State University) 'At the crossroads of politics: Janusz Radziwiłł and the union of Kėdainiai vs Sweden of 1655' addresses the problem of the historical background of the popular and much-loved historical novel by Nobel Prize winner Henryk Sienkiewicz 'The Deluge', which tells about the tragic events of the Swedish invasion in the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1655. It gives a detailed characterization and analysis of the actions of one of the most controversial politicians of the Polish-Lithuanian Commonwealth during its heyday, the Great Hetman of Lithuania Janusz Radziwiłł. H.

Sienkiewicz gave his image the features of an ambitious adventurer and traitor to national interests and presented in frankly black colours the alliance (union) of the Grand Duchy of Lithuania with the Swedish King Charles X signed in Kėdainiai, which was directed against both Poland and Sweden's other powerful enemy, the Russian state. This interpretation of Janusz Radziwiłł's activity became the property of Polish collective consciousness and Polish historiography for a long time, whereas the author of the proposed article has considered it possible for himself to abandon bias against the Great Hetman and explain his Swedish policy by a number of objective circumstances, first of all, by the political order of Lithuanian magnates and gentry in the part of the Grand Duchy of Lithuania captured by the Swedes, who sought equality with the Polish elite and defense of their power prerogatives against attempts from outside the Grand Duchy of Lithuania. Thanks to a comprehensive selection of historiographical data and detailed coverage of the historical context of Radziwiłł's policy, it no longer seems like an adventure, but the result of a difficult choice he made in the face of an extremely difficult international situation. In case the terms of the union of Kėdainiai were implemented, there was a real threat of denunciation of the Polish-Lithuanian Commonwealth and its dissolution, which, however, was avoided due to the political split in the ranks of the Lithuanian nobility, some of whom opposed the union of Kėdainiai and, due to objective circumstances, remained loyal to the Polish king.

The article by M. B. Bessudnova and A. A. Lebedeva (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University) 'Shedding light: the "Bergen games" in Hamburg and Bergen's sources'. The subject of the study here are two manuscripts from the archives of Hamburg and Bremen, concerning one of the aspects of life of the Hanseatic bureau in Bergen ('German Bridge') of the XVI-XVII centuries, namely, the rite of admission of merchants to the circle of its guests, which became known as the 'Bergen games'. Western European historians wrote about them at the end of the XIX and the first half of the XX centuries, using mainly the Hamburg manuscript, while the manuscript monument from Bergen, published in 2001 by A. Nesse, allows us to supplement our ideas about the 'games' and partly clarify the question of their purpose, which is still not fully resolved. The brutal water, fire (smoke) and lashing tests practiced in them were meant to test the Hanseatic merchant's fortitude and to confirm his ability to withstand any trials he might encounter as a 'long-distance merchant'. This peculiar initiation was a direct consequence of Hanseatic customs, according to which each merchant, as a participant in the commercial enterprise, was personally responsible for the safety of the lives of his companions, their goods, the ship or the trading yard. Most of the tests carried out in Bergen were not so cruel and were aimed at finding out the purely economic skills of a newcomer, related to cooking, putting the bureau in order, weaving ropes, etc. All this was predetermined by the absence of women there and, as a consequence, by the merchants' obligation to take care of the domestic side of their stay at the Bergen bureau themselves.

The issue concludes with a presentation of a project related to the translation into Russian and publication of J. W. Ruuth's classic work on the history of Vyborg (Johan Wilhelm Ruuth's *History of Vyborg: A Century-Long Wait for Translation*) by A. V. Mel'nov, O. V. Kostanda, and S. A. Kuprik of the Vyborg United Museum-Reserve. Taking into account the important role that Vyborg has played over the centuries in the development of international contacts between the countries of the Baltic region, including Russia, and the relatively small

number of monographic studies on this topic, the appearance of the Russian-language edition of Ruuth's book, which covers a variety of problems from the history of the city and during the last century has repeatedly provided material for researchers, will certainly be duly demanded by Russian readers.

M. B. Bessundova

Псков, торговый город вне торговых путей: исторические реалии против историографической традиции

С. А. Салмин

Археологический центр Псковской области, Псков, Россия
solvarg@yandex.ru

Е. В. Салмина

Археологический центр Псковской области, Псков, Россия
muntrik102@yandex.ru

Аннотация. Псков в историографической традиции традиционно рассматривается как ранний и важный торговый центр русского Северо-Запада «ганзейского периода», хотя информация письменных источников для XIII–XV вв. крайне скудна. В 2011–2013 гг. археологическими раскопками исследовался значительный участок Нового Торга Пскова, в первой половине XVI в. возникшего как главная западная торговая площадка Московского государства. Изучение этой огромной торговой площади, особенностей ее формирования и функционирования заставило нас по-новому оценить торговое значение Пскова в более ранний период (эпоху независимости). Географическое положение Пскова вне основных континентальных торговых путей может быть одним из вариантов объяснения позднего формирования регулярных торговых связей. Вполне возможно, что обилие иноземных артефактов в археологических раскопках объясняется прямыми, нередко внеэкономическими, связями между Псковом и балтийскими городами. Только глобальное смещение торговых путей, вызванное изменением политической карты Восточной Европы, привело к повышению значения Пскова как важного центра транзитной торговли, дало толчок к росту торговых площадей, увеличению притока товаров и средств в город.

Ключевые слова: Псков, Псковская земля, транзитная торговля, торговые пути, Новый Торг Пскова.

Для цитирования: Салмин, С. А., & Салмина, Е. В. (2025). Псков, торговый город вне торговых путей: исторические реалии против историографической традиции. *Caurus*, 4(1), 15–26. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-15-26](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-15-26)

Pskov, trading city outside trading routes: Historical realities vs. historiographical tradition

Sergey A. Salmin

Archaeological Centre of Pskov region, Pskov, Russia
solvarg@yandex.ru

Elena V. Salmina

Archaeological Centre of Pskov region, Pskov, Russia
muntrik102@yandex.ru

Abstract. In historiographic tradition, Pskov is originally regarded as an early and important trading Russian North-West center of the “Hanseatic period” – even though the information from narrative sources is extremely scarce. In 2011–2013 during archaeological excavations a significant area of Novy Torg in Pskov was explored, which in the first half of the 16th century emerged as the main western trading platform of the Moscow state. The study of this huge trading area, the features of its formation and functioning, unexpectedly made us re-evaluate the trading significance of Pskov in the earlier (independence age) period of time. We suppose that the geographic location of Pskov outside the main continental trade routes may be one of the ways to explain the late emergence of regular trade relations. It is quite possible that the abundance of foreign artifacts in the archaeological excavations is explained by direct,

often extra-economic, trading ties between Pskov and the Baltic cities. It was only the global shift in trade routes, caused by the change in the political map of Eastern Europe, that led to the increase in the significance of Pskov as an important center of transit trade, that gave impetus to the growth of trading space, an increase in the influx of goods and funds into the city.

Keywords: Pskov, Pskov land, transit trade, trade routes, Novy Torg of Pskov.

For citation: Salmin, S. A., & Salmina, E. V. (2025). Pskov, trading city outside trading routes: Historical realities vs. historiographical tradition. *Caurus*, 4(1), 15–26. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-15-26](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-15-26)

Псков в российской историографии традиционно расценивается как ранний и важный торговый центр русского Северо-Запада «ганзейского периода» [Аракчеев, 2012, с. 236–288; Вовин, 2019, с. 196, 286–287; Казакова, 1975, с. 56; Хорошкевич, 2003]. Однако при подробном рассмотрении вопроса возникает предположение, что доминирующее представление о раннем периоде торговой истории Пскова имеет под собой не столько историческую, сколько историографическую базу.

Письменные источники свидетельствуют о том, что еще в XIV в. транзит через псковские территории являлся нерегулярным и был связан с повышенными рисками. Ярким примером является рекомендация ганзейским торговцам не посещать Псков и Нарву, поскольку правила торговли в этих городах не соответствуют нормам Ганзы [Бессуднова, 2017, с. 19]. Безопасный путь для торговцев через Псковскую землю был гарантирован только в конце XIV в. – Изборским соглашением между Ганзой и Псковом 1392 г. («Нибуров мир»). Важно также, что псковичи и в дальнейшем не придерживались правил, обычных для новгородско-ганзейской торговли (так, игнорированием торговых правил был спровоцирован военный конфликт между Псковом и Дерптом в 1415–1417 гг.) [Казакова, 1975, с. 92]. На территории Пскова в период независимости отсутствовали регулярное представительство Ганзы и место для размещения товаров и приезжих купцов [Бессуднова, 2021, с. 139].

В документах XV в. число упоминаний участия псковичей в торговых операциях возрастает, но география торговых операций остается ограниченной: Дерпт, Нарва, Новгород, Полоцк, Витебск, Смоленск, и только к концу XV в. добавляются Рига и Ревель [Аракчеев, 2012, с. 252; Хорошкевич, 2003, с. 36–37; Бессуднова, 2021, с. 261]. Это разительно контрастирует с ситуацией XVI – начала XVIII в., когда через Псков будет вестись основная торговля со странами Балтийского региона.

Что же сдерживало развитие транзитной торговли Пскова в период XIII–XV вв. и что явилось причиной стремительного увеличения транзита товаров через Псков в XVI–XVII вв.? Ситуация может объясняться географическими особенностями Псковского региона и своеобразием его политической истории.

Псковская земля (здесь мы говорим о «псковской земле» в историческом понимании) занимала низменную долину р. Великая (в первую очередь ее правобережье и нижнее течение), полностью побережье Псковского озера, а также восточный берег Чудского озера и правобережье верхнего течения р. Нарва до устья р. Плюсса и нарвских порогов. С востока и запада границы псковской земли проходили по возвышенностям, отделявшим ее от новгородского княжества и ливонской конфедерации.

Благодаря расположению всей территории в едином водном бассейне, сложилась естественная транспортная магистраль, связывающая воедино административные и стратегические центры Псковской земли, что обеспечило высокий уровень государственного и военного контроля над регионом. Транспортное значение речной сети в значительной мере возросло в зимний период, когда речной лед использовался в качестве места временного складирования товарных сена и дров [Полное собрание русских летописей, 2000, с. 218]. Река Великая, являвшаяся важной меридиональной транспортной артерией, затрудняла перемещение в широтном направлении (из-за ограниченного числа возможных переправ) и одновременно с этим не являлась судоходной на значительной части своего протяжения. Величина Нарвских порогов и малая возможность судоходства в верхнем течении р. Нарва затрудняла транспортировку товаров по этому направлению [Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1851, с. 103–110; Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1852, с. 92–95].

Труднопроходимые участки трасс располагались на удалении от административных центров, зачастую на пограничных территориях. В этих условиях возникали затруднения для создания постоянных пунктов, обеспечивающих логистику на сложных участках маршрутов (все места обязательных переволок, например, располагались на пограничных водоразделах) [Salmin et al., 2021]. Немалую роль в отсутствии торговой активности играла и напряженная политическая обстановка, характерная для ливонско-псковского пограничья. Несмотря на регулярно повторяющиеся в соглашениях призывы соблюдать нейтральный статус торговцев, они легко превращались в объект агрессии [Бессуднова, 2017, с. 33].

Известно, что для превращения города в центр международной торговли, он должен удовлетворять по крайней мере одному из следующих условий:

1. Поселение является местом производства, добычи или концентрации некоторого ресурса, отсутствующего на других территориях или превосходящего аналоги по качеству, по себестоимости получения и по простоте транспортировки. Качествами такого пункта в русской части циркумбалтийского региона обладал, например, Великий Новгород.

2. Поселение располагается в точке маршрута, обеспечивающей непрерывность его функционирования. В этом случае источник доходов – не перепродажа товаров, а обеспечение логистической составляющей и обеспечение комфорта для «торговцев». Примерами такого местоположения являются большинство портовых городов и такие пункты, как Ладога, где происходило перемещение товаров с крупных немецких судов на речные лодки.

3. Необходимым условием является наличие конечного потребителя ресурса, заинтересованного в функционировании этого пути.

Если населенный пункт не имел указанных черт, торговые связи его оставались в основном внутрирегиональными. Псков из-за естественно-географических условий своего расположения не соответствовал ни одному из необходимых условий [Аракчеев, 2012, с. 238–239; Бессуднова, 2021, с. 33–34; Salmina et al., 2020].

Замкнутость на себя озерно-речного бассейна сделала невозможным превращение столицы региона в транзитный торговый центр. Это привело к

ограничению торговых связей Пскова в первую очередь городами Нарвско-Чудского бассейна: Дерпт (Юрьев) и Нарва (Ругодив). В меньшей степени в торговлю с Псковом были вовлечены Ревель и Рига.

Точно так же замкнутость территории Псковской земли ограничивала и экспортные возможности Пскова. Воск и меха – причем в значительно больших объемах (а зачастую и лучшего качества) – поставляли на европейские рынки Полоцк и Новгород, активную конкуренцию в торговле воском составлял Смоленск. Даже в пределах собственного региона Псков не был монополистом в торговле воском, поскольку основные «бортные места» вынужденно делил с ливонцами [Селарт, 2015, с. 139], а в некоторых случаях даже покупал воск у Дерпта (возможно, для дальнейшей перепродажи в Новгород) [Казакова, 1975, с. 92].

В результате Псков в своей экономической политике в значительной мере ориентировался на внутренние ресурсы [Salmin et al., 2021] и только отчасти улучшал свою торговую конъюнктуру за счет включения в оборот товаров, запрещенных для ганзейских закупок в Новгороде и Дерпте [Бессуднова, 2017, с. 19].

Единственным продуктом, который Псков производил в товарных количествах, являясь региональным монополистом этого промысла, являлась озерная рыба [Salmina et al., 2020; Салмин, Салмина, 2021, с. 89–91]. Однако главным, если не единственным, покупателем этого товара в рассматриваемый период являлся Дерпт, чьи потребности были ограничены (даже в случае, если часть рыбы перепродавалась дерптцами в орденские владения) [Бессуднова, 2019, с. 28]. Отсутствие же дешевой соли (и, следовательно, ограничение срока хранения рыбы) делало невозможным расширить торговлю с удаленными контрагентами.

Транспортная замкнутость региона «на себя» снижала привлекательность путей через псковскую землю для транзитной торговли. Еще более значимым препятствием на пути развития торговли являлась политическая изоляция псковского государства в регионе. Два основных контрагента Ганзы (и одновременно политических противника Пскова) – Новгородское и Полоцкое (позднее – Великое Литовское) княжества – находились на более удобных для торговых операций водных маршрутах и имели прямой выход в Балтийское море.

Более того, даже в случае использования псковской земли в качестве транзитной территории, маршрут за ее пределами мог продолжаться только путями, проходящими по территории двух вышеуказанных территориальных образований. Это обстоятельство сразу же превращало псковский транзит в неконкурентоспособный.

Таким образом, основная масса торговых операций псковичей концентрировалась внутри региона, и даже международные торговые связи замыкались на пункты внутри того же самого водного бассейна (Дерпт и Нарва) и представляли собой незначительные по своей протяженности маршруты. Разумеется, в экстраординарных ситуациях (военные действия, блокада традиционного торгового маршрута) Псковская земля могла использоваться в качестве транзитной территории. Вероятно, с подобной ситуацией связано присутствие псковских торговцев в 1402 г. в Смоленске, ведущем войну с Великим княжеством Литовским и не имевшем возможности воспользоваться западновинским путем. Эта же ситуация может быть отражена и в эпизоде с убийством ливонцами псковских гостей на Нещерде – находившийся вне тевтоно-литовского конфликта Псков мог использоваться как

посредник в торговле товарами, необходимыми для Литвы, но запрещенными для торговли с нею [Полное собрание русских летописей, 2000, с. 110; Салмин, 2018, с. 160].

Как правило, аргументом в пользу существования регулярных поездок купцов через псковские территории являются сообщения о нападениях псковичей на немецких торговцев и захвате транспортных средств и товаров¹ [Бережков, 1879, с. 199–200; Михайлов, 1996, с. 69–71]. Однако четыре из пяти известных нам случаев нападений на немецких купцов произошли в период военных действий на Балтике, препятствовавших использованию традиционного Невского или Двинского пути. События этого ряда зафиксированы в 1297 (вар. 1292), 1298, 1300, 1311 гг. [Höhlbaum, 1882, ss. 424–425; Sartorius, 1830, ss. 159–161]. На период 1292–1298 гг. приходится активные действия шведов по закреплению в Карелии. В 1292 г. происходит неудачное нападение шведов на карелу и на ижору (нижнее течение Невы). В 1295 г. шведы захватывают Корелу-Кексгольм, и в том же году новгородцы отвоевывают ее. В 1296 г. Эрик VI Менвед, ведущий активные завоевательные действия против городов-членов Ганзы, заключает брачный союз, среди результатов которого – полный контроль над устьем Невы со стороны враждебной Ганзе коалиции (в 1298 г. союз Дании и Швеции дополнительно закреплён браком короля Биргера Магнуссона и сестры Эрика Менведа Маргариты). В 1300 г. шведы основывают Ландскрону и в течение года полностью контролируют устье Невы.

Подчеркнем, что именно на 1301 г. (год захвата и разрушения Ландскроны Андреем Александровичем) приходится составление нового договора с Ганзой, в котором Великий князь гарантирует безопасное передвижение по трем сухопутным и одному водному путям [Валк, 1949, с. 63–64]. В 1311 г. начинается активная фаза новгородско-шведского конфликта на Неве, продолжавшегося до 1315 г. Таким образом, наблюдается явная корреляция между активизацией борьбы за невольский путь и попытками немецких торговцев попадать в Новгород через псковские территории.

Показательно, что в хорошо известной исследователям грамоте № 50 «Великого Новгорода Колывани» [Валк, 1949, с. 88] содержится не только требование запрета поездок через Псков, но и обозначение причины, по которой псковский путь может оказаться предпочитаемым: «здесе мы с немчи в розмирьи Свеею». Более того, в данной грамоте новгородцы категорически снимают с себя ответственность за успешность поездки, совершаемой в Великий Новгород через псковскую землю: «а гостю, братьи вашей, хто поедеть в Великии Новъгородъ и вы им велите ехати новгородчим путем, а на Псковъ пути имъ неть; или хто поедеть на Пъсковъ, ехати им взадъ, а на себе имъ жалоба. Занеже того дея повестуемъ, чтобы вашему гостю пакости не было».

Археологические данные так же могут в определенной степени уточнить наши представления об интенсивности и направленности торговых операций. Об ограниченности товарооборота свидетельствуют незначительные размеры псковского рынка XI–XV вв. (Старого Торга) [Лабутина, 2011, с. 131–134], площадь которого составляла при самых комплиментарных расчетах не более 1,5 га. Археологические

¹ В предлагаемой статье авторы не рассматривают проблемы географической интерпретации локаций данных событий, точно так же как не рассматривают маршрут, предложенный на основании документа о нападениях [Goetz, 1922, s. 202].

раскопки на территории Старого Торга проводились на небольшой площади [Ершова, 1992, с. 122–123; Ершова и др., 1994; Колосова, 1999, с. 268, 270–273]. При этом раскопки 2021 г., проводившиеся на небольшом расстоянии от исследованных в 1991–1992 гг. сооружений Старого Торга, показали, что уже на расстоянии около 20 м к югу сооружения торговых рядов не прослеживаются [Кулакова и др., 2022].

Присутствие западноевропейских вещей на территории Пскова, отмеченное при раскопках, не является доказательством транзитного движения товаров, поставок их в Псков в объемах товарных партий. Безусловно, при археологических раскопках слоев XII–XV вв. обнаруживаются многочисленные импортные вещи [Михайлов, 2006], а также большое количество ливонских монет [Горлов и др., 2021]. Однако присутствие иноземных артефактов может объясняться не участием в «ганзейской торговле», а прямыми связями Пскова и прибалтийских городов и внеэкономическими причинами. Частые и регулярные военные вторжения сторон в чужие земли, несомненно, способствовали перемещению предметов материальной культуры.

В процессе рассмотрения данного вопроса мы столкнулись со следующими фактами: несмотря на устоявшееся мнение о том, что для «ганзейского периода» торговая составляющая экономики Пскова была чрезвычайно важна, у нас нет никаких безусловных письменных или материальных свидетельств активного участия независимого Пскова в международной торговле. На наш взгляд, на сложение доминирующей точки зрения повлияла ситуация более позднего периода (конец XV – начало XVIII в.), когда Псков не только превратился в важный торговый центр, но и «перехватил лидерство» у такого важного торгового города, как Великий Новгород.

Только с начала XV в. появляются несомненные летописные сообщения о посещении псковскими купцами соседних территорий (Дерпта, Нарвы, Смоленска) [Казакова, 1975, с. 92; Полное собрание русских летописей, 2000, с. 151; Полное собрание русских летописей, 2003, с. 27; Валк, 1949, с. 321–323; Юрасов, 1997].

Именно на этот период приходится значительное увеличение количества монетных находок в культурных слоях Пскова (с абсолютным преобладанием ливонских монет). В это время псковичи и новгородцы приняли решение использовать монеты ливонской чеканки для внутреннего обращения. Однако довольно скоро они отказались от этого новшества и начали чеканить собственные монеты из серебра высокой пробы. Следует также отметить значительное количество поддельных монет ливонских государств среди археологических находок в Пскове. Это подтверждает справедливость ливонских сообщений о Пскове как об одном из центров производства фальшивых монет, которые регулярно проникали на ливонские рынки в XVI в. [Горлов и др., 2021; Якунина, 2022, с. 251].

К концу XV в. присутствие псковских купцов на территории соседних государств становится регулярным, что обусловлено присоединением Новгорода Великого к Московскому государству и прекращением функционирования иностранных торговых дворов на территории Новгорода. Это привело к смещению торгового потока из Новгорода в Псков [Бессуднова, 2016, с. 235–237, 244].

Вторая половина XV в. была эпохой важных изменений в жизни территорий, находившихся в зоне активного влияния Великого княжества Московского. Начиная с 60-х гг. XV в., Псков в столкновениях с Ливонским орденом все чаще был вынужден прибегать к поддержке Московского княжества. Одновременно с этим Псков приобретал все большую ценность для Московского княжества в качестве пункта транзитной торговли с Западной Европой, независимого от Новгорода и Твери (с их тесными связями с Великим княжеством Литовским).

«Взятия» Новгородской и Тверской земель привели к резкому обострению отношений с Великим княжеством Литовским, вскоре переросшему в «странную войну» 1485–1494 гг. [Темушев, 2013, с. 5–78], что затруднило использование традиционных для Московского княжества маршрутов торговли с Западной Европой. Тогда же у московского государя возникла возможность создания собственного «морского» порта – в 1492 г. в 12 км от устья р. Наровы был заложен и стремительно возведен Ивангород [Бессуднова, 2015, с. 187; Косточкин, 1952, с. 230–235]. Крепость находилась в начале торгового пути, в значительной мере используемого и контролируемого Псковом [Сорокин, 1999]. Основным достоинством нового города являлась возможность вести через него «заморскую» торговлю в обход Невского устья, что являлось необходимым в связи с планируемой Иваном III войной против Шведского королевства. После присоединения Тверского княжества традиционный путь на Новгород Великий становился второстепенным по сравнению с трассой Тверь – Торжок – Великие Луки – Псков, позволявшей в значительной мере сократить маршрут и упростить его логистику. На 1510–1511 гг. приходится период подготовки Великого княжества Московского к Смоленской войне [Лобин, 2011, с. 28–43], и в ситуации очередного военного московско-литовского конфликта Пскову предстояло превратиться в основные «западные ворота» русской торговли.

Важнейшей причиной этого стало изменение ассортимента товаров, переправляемых из Руси в Западную Европу, характеризующееся ростом товарооборота сырья, полуфабрикатов, продуктов питания – громоздких товаров, имеющих длительный срок хранения, что привело к утрате значения прежних центров торговли и изменило привычные маршруты. Товары, ставшие в XVI в. основными экспортными российскими товарами (прежде всего сало, лен, кожа, зерно) [Аракчеев, 2012, с. 255–258; Бессуднова, 2021, с. 208; Юрасов, 1997, с. 127–129], были лучше приспособлены для сухопутной транспортировки. Со стороны Ливонии этот процесс отразился в появлении Мариенбургской дороги, что позволило Орденскому государству отказаться от посреднических услуг ганзейских городов [Бессуднова, 2021, с. 289–291]. Псков, расположенный на главном сухопутном пути, соединяющем Верхнее Поволжье и Ливонию, оказался в более выгодном положении, чем Новгород (за счет сокращения протяженности пути и упрощения логистики).

Взросшее значение Пскова как торгового города вызвало необходимость сразу же после вхождения его в состав Московского государства в значительной мере увеличить торговые площади, что, несомненно, наложило серьезный отпечаток на приоритетные направления крупных мероприятий новой московской администрации. Псковские летописи сообщают дату создания Нового Торга – 1510 г., год окончательного присоединения Пскова к Московскому государству. В рамках прочих

великокняжеских мероприятий по организации новой системы, Торг был перенесен из центра, от стен Кремля, в Окольный город, где великий князь Василий Иванович «...даша место где торгъ ставити новои, вонь стены, противу Лужьских ворот за рвом...» [Полное собрание русских летописей, 2003, с. 96; Полное собрание русских летописей, 2000, с. 258]. Необходимость перенесения Торга была вызвана не только желанием удалить последний от наместничьего двора и вообще убрать его из Среднего города (которому, по плану Василия III, предстояло стать «московской» частью Пскова), но и возрастанием идущего через город потока товаров, требующего значительного увеличения торговых площадей.

В 2011–2013 гг. археологическими раскопками исследовался значительный участок территории Нового Торга Пскова. Было исследовано более двух десятков торговых и складских помещений Нового Торга (сохранились нижние части сооружений) [Подгорная, Салмина, 2013, с. 23–35; Салмина и др., 2016]. В ходе раскопок выявлены структуры торговых рядов, что позволило соотнести метрологическую информацию писцовой книги 1585–1587 гг. с археологически подтвержденными ориентирами и векторами и привязать ряд объектов, перечисленных в писцовой книге, к современной топографической основе. Общая площадь всего Нового Торга реконструируется как минимум в 30 гектаров [Салмина и др., 2019].

Одновременно с этим возникает необходимость упорядочивания пребывания иностранцев на территории города, поскольку привлекательность псковского рынка и увеличение товаропотока, идущего через Псков, сделало невозможным сохранение практики постоя иностранных торговцев в частных владениях на территории «Немецкого берега». Результатом стало устройство постоянных иноземных гостиных дворов, созданных по образцу гостиных дворов для русских купцов. При этом, в отличие от новгородских Готского и Немецкого дворов в Великом Новгороде, эти дворы не являлись собственностью иностранных купеческих корпораций [Юрасов, 1997].

Рост объема торговых операций и превращение Пскова в центр товарообмена на русском Северо-Западе оказывает существенное влияние на жизнь города, вызывая к жизни ранее отсутствовавшие или находившиеся в зачаточном состоянии структуры. Характерно, что события начала XVIII в., когда в результате правительственных мер, направленных на развитие Петербурга, торговые пути вновь стали ориентироваться на Новгород, произойдет быстрая деградация Пскова как центра транзитной торговли [Репин, 2008, с. 88].

Заключение

Подводя итоги, мы утверждаем, что Псков, вопреки сложившейся историографической традиции, далеко не сразу начал играть важную роль в товарообменной системе, сложившейся на русском Северо-Западе. На протяжении длительного периода его торговые связи были ограничены ближайшими соседями, а случаи перемещения иноземных торговцев через псковскую землю в Великий Новгород были связаны с экстраординарными ситуациями, когда традиционные трассы оказывались перекрытыми. События 1494 г., в сущности, отменили для

ганзейцев возможность использовать обычные маршруты для торговли с Новгородом, результатом чего стало смещение основных торговых трасс в сторону Пскова. Увеличение и изменение состава товаропотока, идущего через Псков, получило немедленное отражение как в материальной, так и в политической и фискальной структуре города.

Библиографический список

- Аракчеев, В. А. (2012). *Власть прошлого: очерки истории и культуры Пскова и Псковской земли в XIII–XIX веках*. Псков: Псковская областная типография.
- Бережков, М. Н. (1879). *О торговле Руси с Ганзой до конца XV века*. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°.
- Бессуднова, М. Б. (2021). *Русско-Ганзейская торговля в первой половине XVI в.* Санкт-Петербург: Евразия.
- Бессуднова, М. Б. (2015). *Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта*. Москва: Квадрига.
- Бессуднова, М. Б. (2016). *Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века*. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского.
- Бессуднова, М. Б. (2017). *Корреспонденция новгородского Немецкого подворья из Таллиннского городского архива, 1346–1521*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Бессуднова, М. Б. (2019). *Первая Ливонская война, 1480–1481 годы: документы*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Валк, С. Н. (ред.). (1949). *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Вовин, А. А. (2019). *Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в.* Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи* (1851). Т. 3. Ч. 1: Санктпетербургская губерния. Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального штаба.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи* (1852). Т. 3. Ч. 2: Псковская губерния. Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального штаба.
- Горлов, К. В., Салмина, Е. В., & Салмин, С. А. (2022). «... и начаша пенязями торговати»: о находках ливонских монет конца XIV – начала XV века в Пскове (по материалам Мстиславских раскопов). *Caurus*, 1(1), 11–25. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1\(1\)-11-25](https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1(1)-11-25)
- Ершова, Т. Е. (1992). Раскоп у Приказной палаты. *Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991: материалы симпозиума* (с. 120–123). Псков.
- Ершова, Т. Е., Колосова, И. О. & Лабутина, В. В. (1994). Исследования у Приказной Палаты в Пскове (1992): вопросы стратиграфии. *Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993: материалы семинара* (с. 17–20). Псков.
- Казакова, Н. А. (1975). *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в.* Ленинград: Наука.
- Колосова, И. О. (1999). К изучению Старого Торга в Пскове. *Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию В. Л. Янина* (с. 265–275). Москва: Русские словари.
- Косточкин, В. В. (1952). Крепость Ивангород. *Материалы и исследования по археологии СССР. № 31: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 2: Крепостные сооружения древней Руси* (с. 224–317). Москва: Издательство Академии наук СССР.
- Кулакова, М. И., Калинина, Е. М., & Фисенко, А. В. (2022). Итоги археологических исследований 2021 г. у бывшего кинотеатра «Октябрь». *Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 37: материалы 67-го заседания* (с. 34–53). Москва, Псков: ИА РАН.
- Лабутина, И. К. (2011). *Историческая топография Пскова в XIV–XV веках*. Москва: Наука.
- Лобин, А. Н. (2011). *Битва под Оршей 8 сентября 1514 года*. Санкт-Петербург: Общество памяти игуменьи Таисии.
- Михайлов, А. В. (1996). К изучению волока в междуречье Черехи и Узы. *Археология и история Пскова и Псковской земли. 1995. Материалы семинара* (с. 69–73). Псков.
- Михайлов, А. В. (2006). Предметы импорта из раскопов на ул. Ленина в Пскове (1967–1991 гг.). *Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы LI научного семинара* (с. 113–130). Псков: Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

- Подгорная, Р. Г., & Салмина, Е. В. (2013). Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор). *Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 58 заседания* (с. 23–37). Москва, Псков: ИА РАН.
- Полное собрание русских летописей* (2000). Том V. Вып. 2: Псковские летописи. Москва: Языки русской культуры.
- Полное собрание русских летописей* (2003). Том V. Вып. 1: Псковские летописи. Москва: Языки русской культуры.
- Репин, Н. Н. (2008). Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века; политика русского правительства и ее результат. *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*, 1(18), 77–108.
- Салмин, С. А. (2019). Межгосударственные конфликты с участием Господина Пскова в начальный период контактов с Ганзой (кон. XIV – нач. XV в.): причины, ход, особенности. *Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3* (с. 149–178). Псков: ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области».
- Салмин, С. А., & Салмина, Е. В. (2021). «...Отложить поход до зимы»: влияние природных факторов на военные действия XIV–XV вв. на псковских границах. *Stratum Plus: археология и культурная антропология, 5: Закон природы и прихоти Средневековья*, 85–98. <https://doi.org/10.55086/sp2158598>
- Салмина, Е. В., Салмин, С. А., & Подгорная, Р. Г. (2016). Археологическое исследование Нового Торга Пскова. *От Смуты к Империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVII вв.: материалы научной конференции* (с. 51–62). Москва, Вологда: Древности Севера.
- Салмина, Е. В., Салмин, С. А., & Подгорная, Р. Г. (2019). Внутренняя планировка Нового Торга Пскова: опыт составления «принципиального плана» расположения торговых рядов. *Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3* (с. 179–200). Псков: Псковская областная типография.
- Селарт, А. (2015). Владения Псково-Печерского монастыря на юге Эстонии во время Ливонской войны. *Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 30: материалы 60 заседания* (с. 132–142). Москва, Псков, Санкт-Петербург: Нестор-история.
- Сорокин, П. Е. (1999). Водный путь по Псковско-Чудскому озеру и реке Нарове. *Древности Пскова: археология, история, архитектура* (с. 185–200). Псков.
- Темушев, В. Н. (2013). *Первая Московско-литовская пограничная война 1486–1494*. Москва: Квадрига.
- Хорошкевич, А. Л. (2003). Псков как посредник между западной, северной и восточной Европой в Средние века и в начале Нового времени. *Псков в российской и европейской истории: в 2-х т. Т. 1* (с. 33–39). Псков, Москва: Псковская областная типография.
- Юрасов, А. В. (1997). К истории Немецкого-Шведского гостиного двора в Пскове в XVII веке. *Метаморфозы истории, 1*, 119–135.
- Якунина, В. А. (2022). *Нарва XV в. в документах и материалах из Таллиннского городского архива*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Goetz, L. K. (1922). *Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters*. Lübeck: Lübecker Verlagsanstalt Otto Waelde Komm.-Ges.
- Höhlbaum, K. (Bearb.). (1882). *Hansisches Urkundenbuch. Bd. 3*. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses.
- Salmin, S., Salmina, E., Bessudnova, M., & Matsevich, S. (2021). Communication routes in the Pskov-Livonian borderland in the 14th – early 15th century (Natural-geographical factor in the political interaction of the sides). *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 108: Man, Society, Communication*, 925–935. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.118>
- Salmina E. V., Salmin, S. A., & Matsevich, S. F. (2020). Military-political history of the Pskov-Livonian border: History of struggle for natural resources in the context of climatic changes of 14th–15th cc. *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives: Lecture Notes in Networks and Systems* (pp. 829–840). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_81
- Sartorius, G. F. (1830). *Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hansa. Bd. 1–2*. Hamburg: Friedrich Perthes.

References

- Arakcheev, V. A. (2012). *The power of the past: Essays on the history and culture of Pskov and the Pskov land in the 13–19 centuries*. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya Publ. (In Russian).
- Berezhkov, M. N. (1879). *About trade of Russia with Hansa till the end of 15th century*. St. Petersburg: V. Bezobrazov and K° Typography. (In Russian).
- Bessudnova, M. B. (2015). *Russia and Livonia in the late 15th century. Origins of the conflict*. Moscow: Kvadriga Publ. (In Russian).
- Bessudnova, M. B. (2016). *The specificity and dynamics of the development of Russian-Livonian contradictions in the last third of the 15th century*. Lipetsk: Lipetsk State University Publ. (In Russian).

- Bessudnova, M. B. (2017). *Correspondence of the Novgorod German compound from the Tallinn city archive, 1346–1521*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Bessudnova, M. B. (2019). *The First Livonian War. Documentation*. St. Petersburg: Eurasia Publ. (In Russian).
- Bessudnova, M. B. (2021). *Russian-Hanseatic trade in the first half of the 16th century*. St. Petersburg: Eurasia Publ. (In Russian).
- Ershova, T. E. (1992). Excavation on the Prikaznaya Chamber. *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land. 1991: Materials of the symposium* (pp. 120–123). Pskov. (In Russian).
- Ershova, T. E., Kolosova, I. O., & Labutina, V. V. (1994). Studies near the Order Chamber in Pskov (1992): Stratigraphic problems. *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land. 1993: Materials of the seminar* (pp. 17–20). Pskov. (In Russian).
- Goetz, L. K. (1922). *Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters*. Lübeck: Lübecker Verlagsanstalt Otto Waelde Komm.-Ges. (In German).
- Gorlov, K. V., Salmina, E. V., & Salmin, S. A. (2022). “...i nachasha penyazmi torgovati”: About the finds of Livonian coins of the late 14 – early 15 century in Pskov (based on the materials of the Mstislavsky excavations). *Caurus*, 1(1), 11–25. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1\(1\)-11-25](https://doi.org/10.34680/Caurus-2022-1(1)-11-25) (In Russian).
- Höhlbaum, K. (Bearb.). (1882). *Hansisches Urkundenbuch*. Bd. 3. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses. (In German).
- Horoshkevich, A. L. (2003). Pskov as an intermediary between Western, Northern and Eastern Europe in the Middle Ages and at the beginning of the New Age. *Pskov in Russian and European History. Vol. 1* (pp. 33–39). Pskov, Moscow: Pskovskaya oblastnaya tipografiya. (In Russian).
- Kazakova, N. A. (1975). *Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations. The end of the 14th – the beginning of the 16th century*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
- Kolosova, I. O. (1999). Toward a study of the Old Torg in Pskov. *Veliky Novgorod in the History of medieval Europe: To the 70th Anniversary of V. L. Yanin* (pp. 265–275). Moscow: Russkiye slovari Publ. (In Russian).
- Kostochkin, V. V. (1952). The fortress of Ivangorod. *Materials and Studies on the Archeology of the USSR. Vol. 31* (pp. 224–317). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russian).
- Kulakova, M. I., Kalinina, E. M., & Fisenko, A. V. (2022). The results of archaeological research in 2021 at the former movie theater “October”. *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land. Is. 37: The proceedings of the 67th session* (pp. 34–53). Moscow, Pskov: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Labutina, I. K. (2011). *Historical topography of Pskov in the XIV–XV centuries*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Lobin, A. N. (2011). *The battle of Orsha on September 8th, 1514*. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumeni Taisii Publ. (In Russian).
- Mikhaylov, A. V. (1996). Toward the study of the volok in the interfluvium of the Cherekha and Uza rivers. *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land. 1995. Materials of the seminar* (pp. 69–73). Pskov. (In Russian).
- Mikhaylov, A. V. The Subjects of Import from Excavations on Lenin St. in Pskov (1967–1991). *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land: Materials of the 51th seminar* (pp. 113–130). Pskov. (In Russian).
- Military Statistical Review of the Russian Empire* (1851). Vol. 3. Part 1: St. Petersburg province. St. Petersburg: Tipografiya Departamenta Generalnogo shtaba Publ. (In Russian).
- Military Statistical Review of the Russian Empire* (1852). Vol. 3. Part 2: Pskovskaya province. St. Petersburg: Tipografiya Departamenta Generalnogo shtaba Publ. (In Russian).
- Podgornaya, R. G., & Salmina, E. V. (2013). The study of the New Torg (Market) area in Pskov in 2011 (preliminary review). *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land: The proceedings of the 58th session* (pp. 23–27). Moscow, Pskov: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Repin, N. N. (2008). Maritime trade between Russia and European countries in the first six decades of the 18th century: The policy of the Russian government and its results. *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 1(18), 77–108. (In Russian).
- Salmin, S. A. (2019). The interstate conflicts with the Lord Pskov participation in the initial period of contact with the Hanseatic League (late 14th – early 15th cc.): Causes, course, features. *Antiquities of Pskov. Archeology, History, Architecture. Is. 3* (pp. 149–178). Pskov: Archaeological Centre of the Pskov Region Publ. (In Russian).
- Salmin, S. A., & Salmina, E. V. (2021). “...To postpone the campaign until winter”: the influence of natural factors on military actions of the 14th–15th centuries on the Pskov borderlands. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology, 5: The Law of Nature and the Whims of the Middle Ages*, 85–98. <https://doi.org/10.55086/sp2158598> (In Russian).
- Salmin, S., Salmina, E., Bessudnova, M., & Matsevich, S. (2021). Communication routes in the Pskov-Livonian borderland in the 14th – early 15th century (Natural-geographical factor in the political interaction of the sides). *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 108: Man, Society, Communication*, 925–935. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.118>

- Salmina, E. V., Salmin, S. A., & Matsevich, S. F. (2020). Military-political history of the Pskov-Livonian border: History of struggle for natural resources in the context of climatic changes of 14th–15th cc. *Digital Future Economic Growth, Social Adaptation, and Technological Perspectives: Lecture Notes in Networks and Systems* (pp. 829–840). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_81
- Salmina, E. V., Salmin, S. A., & Podgornaya, R. G. (2016). Archaeological survey of Novy Torg (New Market) at Pskov. *From the Time of Troubles towards the Imperium: Recent Discoveries in Archaeology and History of the 16th – 18th centuries Russia: The proceedings of the conference* (pp. 51–62). Moscow, Vologda: Drevnosti Severa Publ. (In Russian).
- Salmina, E. V., Salmin, S. A., & Podgornaya, R. G. (2019). The internal layout of the New Torg of Pskov: The experience of a “basic plan” of the location of trading rows drawing. *Antiquities of Pskov. Archeology, History, Architecture. Is. 3* (pp. 179–200). Pskov: Pskov Regional Typography. (In Russian).
- Sartorius, G. F. (1830). *Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hansa. Bd. 1–2*. Hamburg: Friedrich Perthes. (In German).
- Selart, A. (2015). The Pskov-Pechery monastery possessions in Southern Estonia during the Livonian War. *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land. Volume 30: The proceedings of the 60th session* (pp. 132–142). Moscow, Pskov, St. Petersburg: Nestor-istoriya Publ. (In Russian).
- Sorokin, P. E. (1999). The waterway along the Pskov-Chudskoye Lake and the Narova River. *Antiquities of Pskov. Archeology, History, Architecture* (pp. 185–200). Pskov. (In Russian).
- Temushev, V. N. (2013). *The First Moscow-Lithuanian Border War. 1486–1494*. Moscow: Kvadriga Publ. (In Russian).
- The full collection of Russian annals* (2000). *Vol. 5. Is. 2: The chronicles of Pskov*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian).
- The full collection of Russian annals* (2003). *Vol. 5. Is. 1: The chronicles of Pskov*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian).
- Valk, S. N. (Ed.). (1949). *Charters of Veliky Novgorod and Pskov*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russian).
- Vovin, A. A. (2019). *The urban commune of Medieval Pskov in the 14th – early 16th centuries*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ. (In Russian).
- Yakunina, V. A. (2022). *Narva of the 15th century in documents and materials*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. (In Russian).
- Yurasov, A. V. (1997). On the history of the German-Swedish Gostiny Dvor in Pskov in the 17th century. *Metamorphoses of History, 1*, 119–135. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 25.01.2025

Принята к публикации / Accepted 05.03.2025

Об авторах / About the authors

Салмин Сергей Анатольевич – научный сотрудник, Археологический центр Псковской области, Псков, Россия.

Salmin Sergey Anatolievich – Research Fellow, Archaeological Centre of Pskov region, Pskov, Russia.

ORCID: 0000-0002-2985-4996; e-mail: solvarg@yandex.ru

Салмина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом, Археологический центр Псковской области, Псков, Россия.

Salmina Elena Vyacheslavovna – Cand. Sci. in History, Head of the Department, Archaeological Centre of Pskov region, Pskov, Russia.

ORCID: 0000-0001-9339-793X; e-mail: muntrik102@yandex.ru

Отдельные судебные прецеденты между русскими и ганзейскими купцами в Нарве первой половины XVI века как источник для исследования механизмов русско-ганзейского товарообмена

В. А. Якунина

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия
valentina.yakunina@novsu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные судебные прецеденты с участием русских и ганзейских купцов в Нарве первой половины XVI века как источник для реконструкции механизмов трансграничной торговли. Судебные документы анализируются не как простое отражение нормативных постановлений, а как свидетельство практической стороны торговых взаимодействий и правового регулирования в условиях пограничного контекста. Особое внимание уделяется правомерности индуктивных обобщений, сделанных на основе фрагментарного и конфликтоцентричного материала, а также методологическим ограничениям подобного подхода. В статье также анализируются институциональные и поведенческие модели, выявленные в судебных делах, проводится их сопоставление с другими типами источников и рассматриваются возможности применения методов дескриптивной статистики. Делается вывод о том, что судебные прецеденты представляют собой ценный материал для понимания не только фактических аспектов торговли, но и процессов юридической артикуляции, адаптации и согласования, формировавших трансграничную торговлю в Балтийском регионе раннего Нового времени.

Ключевые слова: Нарва, Ганза, русско-ливонская торговля, трансграничный обмен, торговые практики, историческая реконструкция, методология.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00954 «Нарва в торговой стратегии Любека в контексте трансформации механизмов русско-ганзейского товарообмена времен Ливонской войны (1558–1583)».

Для цитирования: Якунина, В. А. (2025). Отдельные судебные прецеденты между русскими и ганзейскими купцами в Нарве первой половины XVI века как источник для исследования механизмов русско-ганзейского товарообмена. *Caurus*, 4(1), 27–36. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-27-36](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-27-36)

Individual judicial precedents between Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for studying the mechanisms of Hanseatic-Russian trade exchange

Valentina A. Yakunina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
valentina.yakunina@novsu.ru

Abstract. The article examines individual judicial precedents involving Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for the historical reconstruction of cross-border trade mechanisms. Court documents are analyzed not as mere reflections of regulatory frameworks, but as evidence of the practical side

of commercial interactions and legal regulation in a borderland context. Particular attention is paid to the validity of inductive generalizations drawn from fragmented and conflict-centered material, as well as to the methodological limitations of this approach. The article also analyzes institutional and behavioral models revealed in the court cases, compares them with other types of sources, and explores the potential of descriptive statistical methods. The study concludes that judicial precedents are a valuable resource for understanding not only the factual aspects of trade, but also the processes of legal formulation, adaptation, and negotiation that shaped cross-border commerce in the early modern Baltic region.

Keywords: Narva, Hanseatic League, Livonian-Russian trade, cross-border exchanges, commercial practice, historic reenactment, methodology.

Funding: the research was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00954, within the framework of the scientific project “Narva in the Lubeck trade strategy within the framework of means transformation of the Hanseatic-Russian commodity exchange during the Livonian War (1558–1583)”.

For citation: Yakunina, V. A. (2025). Individual judicial precedents between Russian and Hanseatic merchants in Narva during the first half of the 16th century as a source for studying the mechanisms of Hanseatic-Russian trade exchange. *Caurus*, 4(1), 27–36. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-27-36](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-27-36)

Изучение механизмов русско-ганзейской торговли в Нарве конце XV – первой половине XVI в. предполагает обращение к разнообразным источникам, среди которых особую ценность представляют судебные прецеденты, большей частью представленные в письмах магистрата Нарвы в Ревель, хранящихся в фонде городского магистрата Таллиннского городского архива (Tallinna Linnaarhiiv, f. 230. Tallinna Magistraat – далее TLA.230) (TLA.230. BD 8-III; TLA.230. BD 8-IV). Эти материалы отражают конфликты, возникавшие в процессе трансграничных контактов, и дают возможность заглянуть в практическую сторону товарообмена. Важно учитывать, что ганзейское право не представляло собой единого кодифицированного корпуса: оно складывалось из множества источников – рецессов, городских статутов, торговых обычаев, общих для североевропейского пространства [Ebel, 1978, ss. 35–36, 42; Cordes, 2008, ss. 208–210], что усложняет анализ. При этом, в отличие от договорной или финансово-отчётной документации, судебные дела фиксируют не норму, а отклонение от неё – то есть конфликт, собой или исключение. Это обстоятельство ставит перед исследователем целый ряд методологических вопросов. Насколько правомерно строить модель товарообмена на основании не репрезентативного, а отчасти случайного массива источников? Можно ли переносить поведенческие стратегии участников торгового процесса, выявленные на основе конфликтных ситуаций, на более широкий контекст?

Привлекательность судебных дел как источника заключается в их насыщенности деталями – именами участников, описаниями сделок, упоминаниями маршрутов и условий передачи товаров. В то же время, именно эта предметная конкретность не должна вводить в заблуждение: судебный документ говорит не о типичности, а об исключительности. Индуктивный метод, предполагающий выведение общих закономерностей из частных случаев, в данном случае требует особенно взвешенного подхода. Он может быть продуктивным, но только при условии системного сопоставления судебных данных с иными типами источников – правовыми нормами, дипломатической перепиской, хозяйственной отчётностью, а также встраивания каждого эпизода в более широкий политико-экономический и культурный контекст эпохи.

Данная статья ставит перед собой задачу рассмотреть, насколько уместно и продуктивно использование судебных дел в качестве базы для индуктивного вывода о механизмах русско-ганзейской и русско-ливонской торговли, а также какие ограничения накладываются на подобную интерпретацию.

Судебные прецеденты (из материалов TLA.230. BD 8-III¹; TLA.230. BD 8-IV) как источник. Общая характеристика возможностей и ограничений

Судебные прецеденты между русскими, ливонскими и ганзейскими купцами являются ценным источником для реконструкции отдельных элементов торговых механизмов. Их сильной стороной является насыщенность конкретикой – как правило, мы можем проследить состав участников, формы расчета, ассортимент товаров, торговые маршруты и места совершения сделок, в отдельных случаях – реакцию местных властей на сделку. Помимо этого, конкретные судебные дела позволяют понять, каким образом выстраивалась правовая инфраструктура трансграничной торговли: как происходило обращение к вышестоящим инстанциям, каким было взаимодействие между городскими магистратами, фогтами, купцами и иными торговыми агентами.

Одновременно с этим судебные документы обладают и рядом серьезных ограничений. Во-первых, как отмечено выше, они отражают лишь проблемные, конфликтные ситуации, а потому создают смещённое представление – то, что зафиксировано как спор, не обязательно было типично. Во-вторых, документальные пробелы – отсутствие финальных решений, неполные показания, утраченные сопроводительные документы для большинства дел – затрудняют однозначную трактовку. В-третьих, существует риск гипертрофированной интерпретации отдельных случаев: попытка масштабировать поведение одного купца на общую практику ведёт к искусственным обобщениям. Подобные ограничения делают необходимым критическое отношение к материалу и постоянное сопоставление судебных данных с другими типами источников, возникавших в торговле между русскими и ганзейскими купцами: административной перепиской ливонских городов, постановлениями ганзейских съездов, сведениями археологии и т. д.

Однако, что делать, если исследователь сталкивается с документом, который невозможно проверить через другие источники? Такая ситуация особенно характерна для изучения трансграничной торговли в небольших пограничных городах, где значительная часть коммуникации и практик не фиксировалась регулярно. Встречается масса документов, описывающих уникальные случаи, которые, в целом, не противоречат известным реалиям, но при этом не подтверждаются другими свидетельствами как повторяющиеся. Несомненно, такие документы представляют ценность для иллюстрации выражения существовавшего опыта торговых коммуникаций, но насколько выводы, сделанные на одном, максимум двух документах имеют право быть масштабируемы?

Мы не будем уходить в философско-методологические рассуждения о проблемах индуктивного подхода в истории, так как современная историческая наука

¹ Скан-копии документов папки TLA.230. BD 8-III доступны на сайте Национального архива Эстонии (Rahvusarhiiv on Eesti). URL: <https://www.ra.ee/> (дата обращения: 05.05.2025).

уже давно принимает, что историк не может полностью полагаться на индуктивные обобщения из ограниченного круга свидетельств. Только верифицированное сопоставление таких данных с другими источниками позволяет использовать индуктивный подход более взвешенно и эффективно. В таких условиях необходим поиск новых методов работы, с одной стороны, с уникальным, но с другой – с массовым материалом, содержащим разнообразные сведения. Как нам кажется, в случае с обозначенным регионом и периодом необходимо рассмотреть возможность привлечения количественного анализа для выявления тенденций в русско-ганзейской и русско-ливонской торговле, несмотря на ограниченный объем источников и их специфику. Например, использование данных из исходящей корреспонденции Нарвы в Ревель позволяет условно проследить динамику торговой активности и выявить моменты её роста на фоне политических или правовых ограничений. Методы дескриптивной статистики, применяемые в этом контексте, позволяют фиксировать частотность упоминаний сделок, конфликтов, типов товаров или сторон и тем самым очертить поля наибольшей активности и напряжённости. Это не создаёт полной картины, но помогает выстроить эмпирически подкреплённую модель. Даже учитывая, что каждый в отдельности случай уникален, статистика позволяет представить более глобальную картину. К числу преимуществ статистического подхода можно отнести его наглядность, повторяемость и независимость от интерпретативных допущений. Вместе с тем он ограничен точностью данных, не охватывает незафиксированные в источниках случаи и подвержен влиянию жанровой специфики документа. Таким образом, дескриптивная статистика может стать мощным вспомогательным инструментом, если её результаты рассматривать в комплексе с качественным анализом и контекстуализацией. Что, в свою очередь, позволяет учесть множественность правовых уровней (локальный, региональный, общеганзейский), о которых уже неоднократно упоминалось в литературе [Ebel, 1967, ss. 16–17; Wernicke, 1986, ss. 152–155], минимизировать риски индуктивной ошибки и приблизиться к реконструкции реальных механизмов русско-ганзейского товарообмена. Статистические методы, применяемые при изучении русско-ливонских и русско-ганзейских отношений, не претендуют на точную количественную картину, но дают важный инструмент выявления макроисторических сдвигов и закономерностей.

Какие механизмы товарообмена поддаются реконструкции?

Обращение к судебным прецедентам между русскими и ганзейскими купцами в Нарве второй половины XV – первой половины XVI в. позволяет выявить отдельные элементы торговой практики, поддающиеся реконструкции. Эти элементы становятся особенно ценными в условиях ограниченности корпуса источников и отсутствия систематизированной отчётности по трансграничной торговле. Несмотря на то, что судебные документы, как отмечено выше, фиксируют ситуации конфликта, одновременно с этим они вскрывают глубинные механизмы, обеспечивавшие устойчивость торговых связей. Именно эти исключения открывают доступ к скрытым сторонам торговой практики. Прецеденты, в которых стороны вынуждены излагать свои ожидания, права и обязательства, дают возможность исследователю зафиксировать правила, не записанные в уставах и регламентах.

Какие сведения мы можем получить, обратившись к судебным прецедентам? В первую очередь, это состав участников торговых сделок: в большинстве случаев в документах зафиксированы обе стороны, но при этом мы можем обнаружить как полные имена и их должности, так и укороченные прозвища без пояснений или вообще упоминание «один/некий русский» (*einen russen*). Также обращение к отдельным прецедентам позволяет выявить разнообразные формы и практики организации торговли, устойчивость которых подтверждается их повторяемостью в источниках. Одной из таких форм является прямая индивидуальная торговля в соответствии с устоявшимися ганзейскими правилами – стариной. При такой торговле русские купцы, прежде всего новгородцы и псковичи, заключали сделки непосредственно с немецкими или ливонскими торговцами. Такая модель, как видно из писем магистрата Нарвы, сопровождалась возникновением конфликтов по поводу качества товара, условий расчёта, времени доставки и соблюдения договорённостей. Одновременно с этим значительное место занимала торговля в обход установленных Ганзой и орденом правил, в том числе за пределами официальных стапельных пунктов. В делах также зафиксированы попытки русских и ливонских купцов провозить запрещенные к вывозу товары. Говоря о реконструкции форм организации торговли, отметим, что здесь же восстанавливаются отдельные торговые маршруты и география сделок, а также ассортимент товаров, формы расчета и торговые посредники (например, гезелле и маклеры).

Особый интерес представляет институциональное сопровождение торговли со стороны городских властей. Магистрат Нарвы, действуя в условиях правовой и политической неопределённости, не только разрешал споры, но и самостоятельно формировал подходы к их урегулированию, зачастую в обход Ревеля. Что иллюстрируется, например, делом о рассмотрении претензий в отношении Хайзе Патинера (*Heyse Patyner*) 1500 г.², а также последовательно выстраиваемой позицией магистрата в деле укрепления торговых позиций города. Особую ценность имеют случаи, в которых задействованы сразу несколько уровней правового регулирования: купец – магистрат Нарвы – магистрат Ревеля – Ливонский орден. Такие комплексы документов, как, например, разбирательство между магистратом Нарвы и выборгскими бургомистрами Германом Шредером (*Hermann Schroder/Schroder*) и Маттиасом Шкривером (*Mattias Scryver*), уполномоченными представителями господина Эрика Турссена (*Erik Turssen*), рыцаря и гауптмана Выборга, по поводу задержанных в Нарве товаров от 4 марта 1509 г.³, фиксируют, как формируются

² Письмо магистрата Нарвы к городскому совету Ревеля от 26 августа (*des myddewekens na Bartholomei*) 1500 г. с просьбой подтвердить отклонение иска русского Ивана (Iwane), посланника капитана Ивангорода, который предъявил Хейсе Патинеру обвинение в продаже некачественного товара [TLA.230. BD 8-III. fol. 61]; приложение к письму BD 8 III f. 61. Речь защиты Хейсе Патинера с черновиком судебного решения совета Ревеля, которое признает Патинера правой стороной в названном деле, при условии, что он сможет доказать, что русский не явился в назначенное время [TLA.230. BD 8-III. fol. 60].

³ Письмо выборгского бургомистра Германа Шредера и Маттиаса Шкривера, уполномоченных представителей господина Эрика Турссена, рыцаря и гауптмана Выборга, к совету Ревеля по поводу задержанных в Нарве товаров от 4 марта 1509 г. [TLA.230. BD 8-III. fol. 113]; письмо совета Нарвы к совету Ревеля по делу между Эриком Турсеном в качестве истца и Йохимом Винекеном в качестве ответчика из-за задержанных в Нарве товаров от 8 марта 1509 г. [BD 8 III f. 114]; исковое заявление Германа Шредера и Маттиаса Шкривера [TLA.230. BD 8-III. fol. 115]; копия письма Йохима Виникена к Эрику Турсену от 2 декабря 1507 [TLA.230. BD 8-III. fol. 116]; письмо

локальные правовые нормы и как они «встраиваются» в общеганзейский и ливонский контекст. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать торговые практики не только как экономический процесс, но и как явление, институционализированное через право и управленческую культуру.

В то же время следует учитывать, что судебные источники, при всей их насыщенности деталями, практически не содержат информации об объёмах торговли, частоте сделок и динамике обмена. Мы не можем точно определить, насколько те или иные зафиксированные практики были систематическими, насколько часто повторялись аналогичные схемы и каков был их удельный вес в общем обороте. Это обстоятельство существенно затрудняет попытки масштабирования наблюдений и делает проблематичным разграничение между единичным и типичным. Подобная неопределённость требует особой осторожности при формулировании обобщающих выводов и делает особенно важным сопоставление данных прецедентов с другими источниками.

Судебные документы, несмотря на жанровую ограниченность, позволяют реконструировать такие важные механизмы русско-ганзейского товарообмена, как формы расчёта, маршруты движения товара, логистическая инфраструктура, участие посредников и роль административных структур в регулировании торговых отношений. Их повторяемость в корпусе источников второй половины XV – первой половины XVI в. позволяет говорить о существовании относительно устойчивых моделей, дополняющих представление о функционировании пограничной торговли в Нарве. Однако каждый подобный случай требует не просто анализа, а многократного контекстуального сопоставления: с аналогичными делами, с правовыми текстами, с дипломатической перепиской. Один случай – это не правило, но совокупность хорошо атрибутированных, близких по формату и содержанию дел может стать эмпирической базой для осторожной реконструкции. Так, повторяющиеся упоминания маклеров [Arbusov, 1900, № 442, s. 472], сделок «за деньги»⁴ и маршрутов через Ивангород⁵ в 1490-х и 1510-х гг. позволяют вычлнить устойчивые линии коммуникации и практики обхода официальных ограничений. Реконструкция торговых механизмов возможна, если исследователь не сводит судебный прецедент к факту, а анализирует его как проявление более широкой логики – логики взаимодействия, регулирования, сопротивления и адаптации.

Иохима Винкена с просьбой прислать ему копию письма из Ревеля [TLA.230. BD 8-III. Fol. 117]; письмо совета Нарвы к совету Ревеля от 11 марта 1509 г. по указанному делу с изложением исковых заявлений от обеих сторон [TLA.230. BD 8-III. Fol. 118]; речь Иохима Винкена в качестве ответчика с пространном изложением обстоятельств дела [TLA.230. BD 8-III. Fol. 120–121]; копия (?) письма магистрата Нарвы в Ревель от 1509 (?) г. с сообщением, что они получили решение по указанному делу из Ревеля, однако одна из сторон не согласна с решением. Описывают обстоятельстве дела и выносят свое решение [TLA.230. BD 8-III. Fol. 122].

⁴ № 145. Магистрат Нарвы в лице Корда цур Хелле обращается к магистрату Ревеля по поводу разбирательства между Гансом Гаппе и Кордом цур Хелле из-за торговой сделки, заключенной вопреки обычаю; Ганс Гаппе апеллирует в Ревель. 3 сентября 1493 г. [Якунина, 2022, с. 285–288].

⁵ Требования ивангородского воеводы [Ивана Никитича Бутурлина] к организации торговых отношений между русскими и ливонцами, записанных бургомистром Нарвы Фредериком Корфом и направленных им городскому секретарю Ревеля Отто Манову, 20 июня (?) 1515 г. [TLA.230. BD 8-III. fol. 81].

Правовая практика русско-ганзейской и русско-ливонской торговли в судебных прецедентах: исследовательский потенциал и методологические рамки

Использование судебных прецедентов как источника для реконструкции механизмов правового регулирования торговли на русско-ливонской границе требует понимания специфики этих документов как не только отражающих, но и формирующих правовую реальность. Мы не имеем перед собой корпус нормативных актов, но сталкиваемся с попытками сторон зафиксировать, обосновать или оспорить определённые практики, апеллируя при этом к праву – как к действующему, так и к предполагаемому.

Документы второй половины XV – начала XVI в. показывают, что формализация правовых норм происходила зачастую через конфликт, в ходе которого стороны ссылались на старину, прецеденты, или мнение третьих лиц. В этих условиях прецедент обретает двойственную функцию – он и свидетельство, и аргумент. Так, требование ивангородского воеводы И. Н. Бутурлина от 1515 г.⁶ [Якунина, 2024], зафиксированное в письмах нарвского магистрата, не просто описывает локальные условия торговли, но демонстрирует, как новая правовая норма внедрялась через практику и сопровождалась институциональным признанием со стороны ливонской стороны. Если обратиться к более ранним письмам, мы можем наблюдать даже более показательную ситуацию, а именно отсылку к несуществующей норме любекского права – использованию пыток (*pinigen*)⁷.

Анализ подобных ситуаций позволяет увидеть, как формировались и трансформировались механизмы регулирования – не через кодификацию, а через последовательные согласования, закреплявшиеся в письменной переписке и судебных инициативах. Повторяемость таких практик, а также их интерпретация магистратом Нарвы или Ревеля, позволяет говорить о существовании неформального, но действенного правового пространства, основанного на ситуативном применении норм. Подобный подход требует учёта риторической функции источника и анализа не только содержания, но и контекста его появления. Судебные обращения зачастую преследуют цель – убедить, оправдать, воздействовать. Поэтому анализ правового механизма, зафиксированного в них, невозможен без сопоставления с аналогичными материалами, а также понимания внутривнутриполитической и межгосударственной конъюнктуры. В этих условиях правомерность использования судебных прецедентов как источника заключается не в их нормативной завершённости, а в способности исследователя выявить в них динамику переговоров, попытки установления правил, и способы институционального реагирования на их нарушение. Это позволяет рассматривать эти документы как уникальное свидетельство о правовом воображении участников торговли и механизмах локального правотворчества в условиях пограничной неопределённости.

⁶ Требования ивангородского воеводы [Ивана Никитича Бутурлина] к организации торговых отношений между русскими и ливонцами, записанных бургомистром Нарвы Фредериком Корфом и направленных им городскому секретарю Ревеля Отто Манову, 20 июня (?) 1515 г. [TLA.230. BD 8-III. fol. 81].

⁷ Ответ магистрата Нарвы на письмо совета Ревеля от 13 декабря 1492 года; обвиненный ревельским бюргером Генрихом Флуверком гезелле Бертольд Детлев отпущен советом Ревеля. 31 января 1493 года [Якунина, 2022, с. 275–279].

Здесь стоит отметить, что в целом современные исследователи средневекового права сходятся во мнении, что история права – это, в первую очередь, история юридической практики, а не фиксированных и кодифицированных норм. Нормативные источники не отражают повседневных реалий, и потому историкам права следует уделять основное внимание именно источникам практического характера – таким, как судебные письма, протоколы, корреспонденция между городами [Cordes et al., 2016, s. 178, 184]. Одновременно с этим, как подчёркивает Тиина Кала, тексты любекского права не упоминают ни одной письменной процедуры и не обязывают к ведению актов или записей [Kala, 2008, s. 102]. Чаще фиксируют не результат, а процесс – то, как конфликт превращался в повод для обсуждения нормы, как стороны пытались придать своим требованиям универсальность через ссылки на право, и как административные структуры выступали медиаторами между нормой и практикой. При этом Кала отмечает, что эти устные и письменные практики в Ревеле были не статичны, а со временем развивались, и роль письменности заметно возрастала с XIV–XV вв., особенно в международных апелляционных делах [Kala, 2008, s. 102]. И именно это делает их незаменимым источником не только по истории торговли, но и по истории правосознания и юридических трансформаций [Groth, 2016, ss. 288–290].

Однако, рассматривая письма нарвского магистрата как материал для анализа правовых механизмов, мы неизбежно сталкиваемся с жанровыми и содержательными ограничениями: тексты часто неполные, односторонние, написаны с целью оправдания позиции одной из сторон. Однако, даже в этих условиях они позволяют зафиксировать реакцию институтов на конкретные вызовы, а также аргументацию, применяемую в контексте конфликта. Правовые позиции в письмах с обращениями к магистрату по судебным вопросам формируются не столько на основе нормативных источников, сколько через апелляцию к прецеденту, ганзейской «старине», мнению купцов или моральному авторитету власти. В этом смысле документы второй половины XV – начала XVI в., фиксирующие обращения к ревельским структурам, не дают представления о стабильной системе, но позволяют проследить механизмы временного и ситуативного согласования. Они полезны не для реконструкции нормативного пространства, а для понимания логики взаимодействий в условиях институциональной гибкости и фрагментированности. Исследователь, обращающийся к судебным делам как источнику о правовых механизмах, должен учитывать их многослойность – это одновременно свидетельство, инструмент влияния и объект интерпретации. Важно не искать в них готовых норм, а выявлять процессы формирования и согласования этих норм, происходившие в контексте сложного и подвижного трансграничного пространства, каким была Нарва в указанное время.

Работа с судебными прецедентами в этом контексте требует понимания их риторической природы, способности фиксировать не норму, а спор вокруг нормы, и способности этих споров влиять на дальнейшую практику. Это делает правовую систему пограничья динамичной, открытой к корректировкам и ситуативным адаптациям. Использование судебных прецедентов для анализа правовых механизмов трансграничной торговли требует особой методологической осторожности. Мы имеем дело не с систематизированным сводом норм, а с зафиксированными в письмах эпизодами, отражающими практику реагирования на конкретные конфликты.

При этом каждое такое дело – не столько источник о праве, сколько проявление правового действия в пограничной ситуации, в условиях неопределённости норм, конкуренции юрисдикций и политической нестабильности. В дополнение к этому важно осознавать, что юридическая реальность пограничных городов, таких как Нарва, не укладывается в рамки централизованных правовых систем. Здесь действовали не универсальные нормы, а гибкие процедуры, которые складывались ситуационно: на основе соотношения сил, политического давления, текущей практики. Именно поэтому судебные прецеденты столь ценны – они фиксируют «полевые» решения, возникавшие в ответ на вызовы момента, а не предписания. Необходимо использовать исследуемые документы не столько как отражение правовых механизмов, а трактовать их как индикатор функционирования правовых ожиданий, риторических стратегий и процедур взаимодействия.

Заключение

Рассмотренные в статье материалы позволяют сделать вывод о высокой значимости судебных прецедентов как источника для реконструкции механизмов русско-ганзейского товарообмена. Несмотря на то, что подобные документы отражают прежде всего конфликтные и исключительные ситуации, они раскрывают структурные и процедурные особенности нарвской торговли, включая формы расчётов, каналы поставок, участие посредников, реакцию властей, а также особенности институционального сопровождения сделок. Проблема переноса единичных случаев на общую картину остаётся методологически сложной. Однако, верифицированные повторяющиеся элементы и последовательные формы правового реагирования, особенно при подтверждении через другие типы источников, позволяют с достаточной степенью уверенности реконструировать отдельные аспекты торговой практики.

Юридическая реальность нарвского пограничья второй половины XV – первой половины XVI в. демонстрирует черты гибкости, ситуативности и институциональной адаптивности. Правовые и торговые практики в этом регионе формировались в условиях постоянных политических и экономических трансформаций и подтверждают справедливость современных исследовательских установок, трактующих средневековое право как совокупность живых, многоуровневых и подвижных практик, а не как статичный нормативный массив. Судебные дела и эпистолярные материалы из Нарвы, рассматриваемые не как источник готовых юридических норм, а как средство осмысления процессов регулирования, взаимодействия и адаптации, открывают перспективу дальнейшего изучения трансграничных торговых режимов и локальных правовых культур позднего средневековья.

Библиографический список

- Якунина, В. А. (2022). *Нарва XV века в документах и материалах*. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Якунина, В. А. (2024). К вопросу об атрибуции одного документа начала XVI века из Таллиннского городского архива. *Ганзейский союз: от зарождения к возрождению: сборник научных трудов молодых ученых* (с. 139–146). Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.
- Arbusow, L. (Hg.). (1900). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1*. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner.
- Cordes, A. (2008). *Hansisches Recht: Begriff und Probleme. Hansisches und hansestädtisches Recht* (pp. 205–213). Trier: Porta Alba Verlag.

- Cordes, A., Höhn, P., & Krey, A. (2016). Schwächediskurse und Ressourcenregime. Überlegungen zu Hanse, Recht und historischem Wandel. *Hansische Geschichtsblätter*, 134, 167–203. <https://doi.org/10.21248/hgbll.2016.36>
- Ebel, W. (1967). Der Rechtszug nach Lübeck. *Hansische Geschichtsblätter*, 85, 1–37.
- Ebel, W. (1978). Hansisches Recht: Begriff und Probleme. *Probleme der deutschen Rechtsgeschichte* (ss. 35–46). Göttingen: Otto Schwartz & Co.
- Groth, C. (2016). *Hanse und Recht. Eine Forschungsgeschichte* (Freiburger Rechtsgeschichtliche Abhandlungen. Neue Folge. Band 74. Abt. B: Abhandlungen zur Deutschen Rechtsgeschichte). Berlin: Duncker & Humblot.
- Kala, T. (2008). Das Geschriebene und das Mündliche: das lübische Recht und die alltägliche Rechtspflege im mittelalterlichen Reval. *Hansisches und hansestädtisches Recht*. (ss. 91–112). Trier: Porta Alba Verlag.
- Wernicke, H. (1986). “Na der hense rechte”. Studien zum Recht und zur Gerichtsbarkeit in der Städtehanse. *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*, 10, 121–155.

References

- Arbusow, L. (Hg.). (1900). *Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1*. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner. (In German).
- Cordes, A. (2008). Hansisches Recht: Begriff und Probleme. *Hansisches und hansestädtisches Recht* (pp. 205–213). Trier: Porta Alba Verlag. (In German).
- Cordes, A., Höhn, P., & Krey, A. (2016). Schwächediskurse und Ressourcenregime. Überlegungen zu Hanse, Recht und historischem Wandel. *Hansische Geschichtsblätter*, 134, 167–203. <https://doi.org/10.21248/hgbll.2016.36> (In German).
- Ebel, W. (1967). Der Rechtszug nach Lübeck. *Hansische Geschichtsblätter*, 85, 1–37. (In German).
- Ebel, W. (1978). Hansisches Recht: Begriff und Probleme. *Probleme der deutschen Rechtsgeschichte* (ss. 35–46). Göttingen: Otto Schwartz & Co. (In German).
- Groth, C. (2016). *Hanse und Recht. Eine Forschungsgeschichte* (Freiburger Rechtsgeschichtliche Abhandlungen. Neue Folge. Band 74. Abt. B: Abhandlungen zur Deutschen Rechtsgeschichte). Berlin: Duncker & Humblot. (In German).
- Kala, T. (2008). Das Geschriebene und das Mündliche: das lübische Recht und die alltägliche Rechtspflege im mittelalterlichen Reval. *Hansisches und hansestädtisches Recht*. (ss. 91–112). Trier: Porta Alba Verlag. (In German).
- Wernicke, H. (1986). “Na der hense rechte”. Studien zum Recht und zur Gerichtsbarkeit in der Städtehanse. *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*, 10, 121–155. (In German).
- Yakunina, V. A. (2022). *Narva of the 15th century in documents and materials*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).
- Yakunina, V. A. (2024). On the attribution of a document of the early 16th century from the Tallinn city archive. *The Hanseatic League: From Origin to Revival: Collected Papers of Young Scholars* (pp. 139–146). Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 23.01.2025
Принята к публикации / Accepted 26.02.2025

Об авторе / About the author

Якунина Валентина Андреевна – старший преподаватель кафедры Всемирной истории и международных отношений, научный сотрудник научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Yakunina Valentina Andreevna – Senior Lecturer at the Department of World History and International Relations, Research Fellow at the Research Center, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0000-0002-9461-0437; e-mail: valentina.yakunina@novsu.ru

На перепутье политики: Януш Радзивилл и Кейданская уния со Швецией 1655 года

Л. И. Ивонина

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия
ivonins@rambler.ru

Аннотация. В фокусе данной статьи находятся позиция и действия одного из самых противоречивых политиков Речи Посполитой – Великого гетмана Литовского Януша Радзивилла во время подписания Кейданской унии между Швецией и Великим княжеством Литовским в 1655 г. На основе анализа событий автор приходит к выводу, что на поведение магнатов и шляхты в захваченной шведами части Великого княжества Литовского внутренние и внешние факторы оказали практически равнозначное воздействие и дополняли друг друга. Януш Радзивилл действовал в русле традиционного для элиты Великого княжества Литовского стремления к равноправию с польской элитой и защите своих прерогатив и оказался перед сложной дилеммой выбора политического курса в тяжелой международной ситуации, связанной с военными действиями Речи Посполитой против Швеции и Московского государства. Этот талантливый политик и лидер защищал свои политические и конфессиональные ценности, а его необузданные амбиции и взрывной характер подталкивали его к противоречивым действиям. Если бы Кейданский договор реально вступил в силу, он аннулировал бы одно из величайших государственных образований и международно-правовых достижений в истории Европы раннего Нового времени – Польско-Литовскую унию. Этот акт был незаконным с точки зрения правовых установок, действовавших в Речи Посполитой, ибо был заключен без ведома и без разрешения польского Сейма. Это осознавали те литовские магнаты и подданные, которые выступили против Кейданской унии. В целом, усилившееся в условиях кризиса в Речи Посполитой и Шведского потопа стремление литовской элиты к равным правам с польской Коронаой проявилось в лавировании между шведской и русской сторонами, на которое оказывали влияние конфессиональная и экономическая ситуация в регионе.

Ключевые слова: Шведский потоп, Великое княжество Литовское, Русское государство, Речь Посполитая, Кейданская уния, война, дипломатия.

Для цитирования: Ивонина, Л. И. (2025). На перепутье политики: Януш Радзивилл и Кейданская уния со Швецией 1655 года. *Caurus*, 4(1), 37–45. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-37-45](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-37-45)

At the crossroads of politics: Janusz Radziwiłł and the union of Kėdainiai vs Sweden of 1655

Liudmila I. Ivonina

Smolensk State University, Smolensk, Russia
ivonins@rambler.ru

Abstract. In this article we bring in focus the position and actions of one of the most controversial politicians of the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Grand Hetman of Lithuania Janusz Radziwiłł, during the signing of the Union of Kaidai between Sweden and the Grand Duchy of Lithuania in 1655. Based on the analysis of events, the author comes to the conclusion that internal and external factors had a practically equal impact on the behavior of magnates and gentry in the part of the Grand Duchy of Lithuania captured by the Swede. Janusz Radziwiłł acted in accordance with the traditional aspirations of the Grand Duchy of Lithuania's elite for equality with the Polish nobility and the preservation of their privileges. Confronted with a challenging international situation marked by the Polish-Lithuanian Commonwealth's military conflicts with Sweden and Muscovy, he faced a difficult dilemma in choosing a political course. This talented politician and leader defended his political and religious values, but his unbridled ambitions and explosive character pushed him to controversial actions Had the Kėdainiai Union actually come into force,

it would have annulled one of the greatest state formations and achievements in international law in early modern European history – the Polish-Lithuanian Union. This act was illegal from the standpoint of the legal norms in force in the Polish-Lithuanian Commonwealth, as it was concluded without the knowledge or consent of the Polish Sejm. This was understood by those Lithuanian magnates and subjects who opposed the Union of Kaidai. Amid the crisis in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the upheaval of the Swedish Deluge, the Lithuanian elite's long-standing aspiration for equal rights with the Polish Crown became more pronounced. This aspiration was reflected in their political maneuvering between the Swedish and Russian sides, shaped by the region's confessional and economic circumstances.

Keywords: the Swedish Deluge, the Grand Duchy of Lithuania, the Russian state, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the union of Kėdainiai, war, diplomacy.

For citation: Ivonina, L. I. (2025). At the crossroads of politics: Janusz Radziwiłł and the union of Kėdainiai vs Sweden of 1655. *Caurus*, 4(1), 37–45. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-37-45](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-37-45)

Шведское вторжение в Речь Посполитую, известное как «Потоп», нашедшее яркое отражение в романе лауреата Нобелевской премии Генрика Сенкевича и в одноименной кинокартине Ежи Гофмана, являлось лишь частью системного конфликта на северо-востоке Европы. Годом ранее началась Тринадцатилетняя русско-польская война (1654–1667), а годом позже – Русско-шведская война (1656–1658). Вооруженные столкновения сопровождалась внутренней нестабильностью в ряде государств, особенно проявившейся в Польско-Литовском государстве. В фокусе данной статьи находятся позиция и действия одного из самых противоречивых политиков Речи Посполитой – Великого гетмана Литовского Януша Радзивилла (1612–1655), а именно его роль в подписании Кейданской унии со Швецией в 1655 г.

Польские ученые критически относились к этому событию. Из-за того, что Януш Радзивилл и его двоюродный брат Богуслав перешли на сторону шведов во время Потопа, в Польше преобладает точка зрения о том, что «их единственным долговременным достижением стало пятно на фамилии Радзивиллов на долгие годы»¹. Да и Генрик Сенкевич представил его в своем произведении как предателя Речи Посполитой, как властного, гордого и безжалостного интригана. Не обошел польский писатель своим вниманием и кузена Януша – Богуслава Радзивилла, занимавшего должности Великого хорунжего, Великого конюшего и депутата сейма Речи Посполитой [См.: Сенкевич, 2018]. Напротив, литовские историки относятся к этому событию не только более благосклонно, но даже позитивно. Первый известный пример благоприятного отношения к Кейданскому соглашению в литовской историографии можно обнаружить в 1906 г. Подобный взгляд на это событие преобладал в 1930-х гг., когда отношения между Польшей и Литвой сильно ухудшились. И все же в последние десятилетия в литовской историографии доминирует мнение, что попытка создания союза со Швецией была вынужденной и продиктованной чрезвычайными историческими обстоятельствами и попытками спасти литовские земли. Вместе с тем, в конечном итоге окончательная форма Кедайнского соглашения была крупной уступкой шведам и серьезно ограничила суверенитет Литвы в соответствии с условиями, с которыми согласился Януш Радзивилл [Sliesoriunas, 2020, s. 73].

¹ Оценки Кейданской унии польскими историками обстоятельно изложены в работе А. Тулы: [Tuła, 1984].

Впрочем, и в современной польской историографии действия Януша Радзивилла оцениваются не столь однозначно, нежели ранее. Так, известный историк Г. Визнер полагает, что князь сделал выбор не между Польшей и Швецией, а между Швецией и полным уничтожением Польско-Литовского государства. И вопрос, который следует задавать, заключается не в том, было ли его решение актом предательства (что также нуждается в дополнительном уточнении: кого он предал – Речь Посполитую, Польшу или даже Литву?), а в том, как должен был вести себя человек, который столкнувшись с непреодолимыми препятствиями, чувствовал ответственность за свою родину [Wisner, 2011].

Прежде чем перейти к характеристике политики Януша Радзивилла, следует подчеркнуть, что представители элиты Великого княжества Литовского добивались равенства с польской элитой с первых дней после подписания Люблинской унии 1569 г. Польша и Литва являлись вполне самостоятельными государственными образованиями, союз которых образовывал федеративное, или, иными словами, композитарное государство. Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ) имело отдельную казну, армию, канцелярии, судебную власть, право, учреждения местного самоуправления, то есть в основном все, что определяло ее административную независимость. Были учреждены должности, имеющие одинаковые прерогативы в Польше и Литве, но высшим должностным лицам ВКЛ были выделены места в Сенате позади их коронных коллег, что вызвало ссоры между поляками и литовцами. Проявления деятельности, подчеркивавшей самостоятельность Литвы, были очевидны на протяжении всего существования Речи Посполитой и особенно в сложные моменты истории. Эти проявления были, прежде всего, характерны для влиятельнейшего и богатейшего рода в ВКЛ – Радзивиллов, которые первыми в государстве в 1518 г. получили титул князей Священной Римской империи.

Радзивиллы всегда фрондировали польской Короне. Например, на выборах короля в 1648 г. дополнительные проблемы вызвала кандидатура трансильванского князя Ежи I Ракоци, которая казалась им, как кальвинистам, наиболее приемлемой и привела к еще большему расколу. Великий гетман Литовский Януш Радзивилл, выдвигая эту кандидатуру, хотел объединить вокруг себя всех диссидентов, противопоставить их католикам, привести к избранию Ракоци и в конечном итоге получить огромное влияние в ВКЛ и в Речи Посполитой. Помимо традиций, среди дворянства, по крайней мере, литовского, значительную роль играла свобода вероисповедания и защита прав протестантов-кальвинистов. Большое влияние на ситуацию оказали тогда и личные амбиции Радзивилла, соперничавшего с другой влиятельной фамилией ВКЛ – Сапегами. В результате выборы 1648 г. потребовали от дворянства и магнатов конкретизации своих требований и твердой поддержки одного из кандидатов [Ziober, 2018, p. 202].

В 1654 г. Москва разорвала мирный договор с Речью Посполитой и начала против нее военные действия. Швеция последовала этому примеру. Весной 1655 г. в переговоры со Стокгольмом, на которых поднимался вопрос об избрании шведского короля на трон Польши, вступил Януш Радзивилл. Летом того же года наладил связи со шведами и Виленский (Вильнюсский) епископ Юрий Тышкевич. Создавалось впечатление, что серьезной войны не будет и что Речь Посполитая сама примет

шведский протекторат. В июле шведская армия фельдмаршала Арвида Виттенберга, вместе с которым находился и бывший канцлер Коронный Иероним Радзиевский, пересекла польскую границу и двинулась на Великую Польшу. Другим направлением шведской экспансии стали земли ВКЛ и польской Ливонии. Шведы стремились захватить Динабург, откуда открывался путь на Ригу. Действия на этом направлении во многом объяснялись выходом русских сил к Западной Двине. Новому генерал-губернатору шведской Ливонии графу Магнусу Делагарди было приказано контролировать север ВКЛ с городами Биржи (Биржай) и Ковно. Летом 1655 года шведы оккупировали Жемайтию, что не только обеспечивало приближение границ их государства к Восточной Пруссии, но и перекрывало выход русским армиям к Балтийскому морю через Литву.

Тем временем в ходе Тринадцатилетней войны между Речью Посполитой и Московским государством русские армии к июлю 1655 г. дошли до Минска. Лишенное польской помощи, Великое княжество Литовское не могло противостоять объединенным силам Москвы и запорожских казаков. В этой ситуации часть литовской элиты решила выбрать, как казалось, меньшее из двух зол и подчиниться Швеции. Идея исходила от Виленского епископа Ежи Тышкевича, но главную роль в переговорах сыграл Януш Радзивилл.

Украинский полковник Антон Жданович, находившийся в 1654 г. пленником в ставке Радзивилла, уже тогда докладывал царю Алексею Михайловичу, что «Радзивилл со всей Литвой хочет продать себя шведскому королю» [Заборовский, 1981, с. 98]. Однако в начале 1655 г. Януш и Богуслав Радзивиллы намеревались освободить белорусские земли своими силами. Поэтому они приостановили имеющиеся отдельные контакты со Швецией. В январе 1655 г. литовская армия перешла в контрнаступление, и в начале февраля был осажден Могилев. Отдельные отряды были отправлены на освобождение Витебска и Десны. Поначалу осада Могилева проходила успешно. В ночь с 4 на 5 февраля полк белорусских казаков под командованием Константина Поклонского перешел на литовскую сторону. Войска ВКЛ захватили пригороды. Однако горожане остались верны царю (еще в мае 1654 г. они подали Алексею Михайловичу «прошение о защищении их от поляков, жестоко их притесняющих»²) и отказались сдать.

Понимая, что он не в состоянии защитить ВКЛ в одиночку, Януш Радзивилл уже с марта 1655 г. стал вынашивать идею короновать Карла X Густава королем Речи Посполитой. Он был вполне уверен, что избрание шведского короля на польский престол поддержит большинство литовцев. И он ожидал, что Карл X Густав восстановит свободы кальвинистов, лютеран, православных и ариан, а в случае успеха усилит политическое влияние протестантов и отодвинет католиков и иезуитов на второй план. По мнению Великого гетмана Литовского, было крайне важно, чтобы Швеция протянула руку помощи литовским протестантам: «чтобы Господь простил им согласие поставить чехов и силезцев под антихристовый [папский] контроль».

² Прошение могилевских жителей о защищении их от поляков, жестоко их притесняющих. Тут же листы польские, коими они прельщают казаков отстать от России, и присоединиться к польскому королевству. *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 124. Оп. 1. 1654. Л. 26 об. № 10.

Он попросил шведского короля выделить 3 000 солдат под свое командование. Он также считал, что герцог Курляндский обеспечит нейтралитет Ливонии [Kubala, 1913, s. 48].

В письме Слонимскому дворянству от 7 апреля 1655 г. Радзивилл подчеркивал, что ВКЛ противостояло противнику в одиночку, без помощи польской Короны. Получается, Польша нарушила положения Люблинской унии, которая дорого обошлась литовцам: «в обмен на унию Польша отняла у нас Украину, и мы всегда будем помнить об этом». Этими словами он впервые открыто продемонстрировал, что союз Литвы и Польши стал бессмысленным. 6 июня 1655 г. прусско-бранденбургский посол Иоганн фон Ховербек сообщил Великому курфюрсту Фридриху Вильгельму I: «Литва так боится Московии, что согласна принять шведов. Епископ Виленский также склонен к переговорам с ними, ведет переписку с герцогом Курляндским и готов признать его (Карла X Густава) будущим королем» [Kubala, 1913, s. 52].

В начале мая 1655 г. литовская армия сняла осаду Могилева и отошла к Березине. 24 мая того же года русский царь начал вторую военную кампанию с целью захвата центральных и западных районов ВКЛ. Основная армия во главе с Алексеем Михайловичем двинулась из Смоленска в сторону Минска и Вильнюса, к которой присоединились украинские полки Золотаренко. Силы Алексея Трубецкого двинулись из Брянска в направлении Старый Быхов – Слуцк – Новогрудок – Гродно – Брест, войска Афанасия Ордина-Нащокина продвинулись из Пскова в Польско-Литовскую Ливонию и появились у Браслава и Велижа, а со стороны Киева полки Дмитрия Волконского пошли на Пинск. В результате русско-украинские силы насчитывали около 100 000 солдат, а литовская армия составляла менее 10 000 человек, и не могла рассчитывать на польское подкрепление. 3 июля 1655 г. пал Минск, а к концу этого месяца московско-украинское войско подошло к окрестностям Вильно. Король Ян Казимир отозвал свои силы, отправленные на помощь Янушу Радзивиллу [Бобятынский, 2011]. Литовцы оказались в отчаянном положении, которое требовало неординарного решения. Несмотря на это, Радзивилл, отступая под давлением превосходящих сил, сохранил боевой порядок и костяк своей маленькой армии.

Тем временем военные успехи Московского государства заставили Стокгольм насторожиться. Еще в начале 1654 г. шведский посол в Москве Йохан де Родес сообщил Карлу X Густаву, что накануне вступления в Литву русский царь вел себя так, как если бы он был новым Александром Македонским [Kotljarchuk, 2006, p. 88]. Не случайно в том году Швеция продала России 4 000 мушкетов вместо обещанных 20 000 [Kotljarchuk, 2006, p. 94]. Когда русские силы вторглись в польско-литовскую Ливонию, и шведский король Карл X Густав получил тревожные известия от генерал-губернатора Ливонии Густава Горна о том, что шляхта литовской Ливонии пересекла границу и попросила шведские власти защитить их от московского вторжения, Стокгольм решил укрепить оборону в своей части Ливонии, перебазировав ряд отрядов из Финляндии. Кроме того, в Литву были направлены шпионы для сбора информации. Примечательно, что Горн должен был избегать любой конфронтации с Москвой, и при этом любой ценой не дать ей захватить Динабург (Даугавпилс) [Kotljarchuk, 2006, p. 98].

После безуспешной осады Динабурга армией Алексея Михайловича в апреле 1655 г. угроза русского вторжения в остальную часть Ливонии все еще сохранялась. Создание шведского Протектората над Литвой сильно укрепило бы позиции Стокгольма в Пруссии и Курляндии. Кроме того, оно уменьшило бы там потенциальное влияние Москвы вследствие лишения ее общей границы с этими территориями и выхода к побережью Балтийского моря. Литва являлась важной магистралью, которая могла соединить шведскую Ливонию с герцогской Пруссией. По этой причине основная армия шведов под предводительством Карла X Густава с самого начала планировала вторгнуться в Речь Посполитую из Ливонии, направившись в Литву. Однако 24 июля 1655 г. она атаковала западную Польшу со стороны Штеттина. Основной причиной изменения стратегии было желание избежать прямых контактов шведских войск и с русскими силами в Литве [Tersmeden, 1973, s. 101].

Решению Януша Радзивилла объединиться со шведами предшествовали тяжелые для Речи Посполитой поражения. 24 июля армия фельдмаршала Виттенберга захватила переправы через реку Нотец и полностью блокировала великопольское ополчение под Уйцедем. На следующий день окруженные и подвергшиеся пушечному обстрелу поляки капитулировали. Начались польско-шведские переговоры. В сложившейся ситуации Карл X Густав рассматривался немалой частью литовской элиты как Спаситель отечества, как хороший полководец и как командующий сильной армией, которая считалась одной из лучших в Европе. Польская Корона не была в состоянии ничем помочь Литве, и Януш и Богуслав Радзивиллы видели единственный выход в том, чтобы разорвать Унию с Польшей и заключить Унию со Швецией, которая обещала помочь освободить от царя литовскую территорию «до последнего камня». Согласно плану братьев, Речь Посполитая не просто меняла одного короля на другого, а вообще прекращала свое существование. ВКЛ должно было стать субъектом Шведского королевства при сохранении всех своих регалий: армии, закона, прав, валюты...

Согласно подписанному соглашению, магнаты и шляхта Великой Польши признавали шведского короля своим Протектором и передавали в его распоряжение все королевские владения и доходы. После взятия Виттенбергом Познани 31 июля 1655 г. воевода Кшиштоф Опалиньский, еще ранее вступивший в секретные переговоры со шведами, открыто принял присягу верности королю Карлу X Густаву [Флоря, 2010, с. 18–20]. Этот акт совершил и будущий польский король Ян Собеский, состоявший со своими хоругвями в составе формирований воеводы Познани.

В таких обстоятельствах Януш Радзивилл после безуспешной обороны Вильно от русских войск в конце июля 1655 г. бежал в Кейданы. Там он 17 августа 1655 г. заключил со шведским королем Кейданский договор, согласно которому Литва должна было выйти из унии с Польским королевством и присоединиться к Швеции на конфедеративных правах, а Карл X Густав получал титул Великого князя Литовского. В договоре особо подчеркивалось, что литовские войска не будут сражаться с польскими формированиями. 20 октября договор был заменен Кейданской унией, которая объединила Великое княжество Литовское со Шведской империей [Konopczyński, Lepszy, 1935, ss. 173–224; Frost, 2000, p. 168].

Уния со Швецией была не просто авантюрой одного лишь Великого гетмана, как пытаются подчеркнуть некоторые историки. Не отрицая, что литовские диссиденты во главе с Радзивиллами сыграли вдохновляющую роль в подготовке и заключении договора со шведами, обратим внимание на то, что их поддерживало не только большинство католической шляхты, но и часть римско-католического духовенства. Среди них были епископ Жемайтийский Петр Парчевский, подписавший Кейданский акт, епископ Виленский Ежи Тышкевич и каноник Ежи Бяллзор, подписавший документ от имени Тышкевича и от своего имени. В целом свои подписи под Кейданской Унией оставили более 2 000 человек. Такого количества не было даже при голосовании за королей Владислава и Яна Казимира Ваз.

В результате временно возникла парадоксальная ситуация, когда Люблинской Унии, по видимости, пришел конец, но, тем не менее, Польша и Литва вновь оказывались вместе благодаря общему королю Карлу X Густаву. Непонятным оставался и вопрос о столице нового государственного объединения.

Если бы Кейданские соглашения реально вступили в силу, это аннулировало бы одно из величайших государственных образований и международно-правовых достижений в истории Европы раннего Нового времени – Польско-Литовскую унию. Более того, этот акт вписывался в русло других действий и дипломатических мер, предпринятых во время Второй Северной войны, целью которых было уничтожение Речи Посполитой (например, договор, предусматривавший раздел польских земель, подписанный в Радноте в Венгрии в декабре 1656 г.). Эти аспекты не следует игнорировать при рассмотрении Кейданской унии с объективной точки зрения. Следует также обратить внимание на то, что Кейданский договор был незаконным с точки зрения правовых установок, действовавших в Речи Посполитой, ибо был заключен без ведома и без разрешения польского Сейма. Это осознавали те литовские сановники и подданные, которые выступили против Кейданской унии [Rudawski, 1754, p. 180].

Как бы то ни было, значительная часть шляхты ВКЛ не приняла планов Януша Радзивилла. Литовские магнаты под руководством воеводы Витебского Яна Павла Сапеги отказались поддерживать прошведскую позицию. Сапега и гетман польный Литовский Винцент Гонсевский создали конфедерацию против Януша Радзивилла и Швеции. В ноябре 1655 г. Радзивилл, располагая небольшими силами, укрепился в своем замке Тыкоцин, который вскоре осадили хоругви Сапеги. Карл X не оказал военной помощи союзнику. В ночь с 30 на 31 декабря 1655 г. Януш Радзивилл в возрасте 43 лет скоропостижно скончался в Тыкоцине. По поводу его смерти ходили разные слухи. Одни полагали, что его отравили иезуиты, другие – что не жаловавшийся на здоровье Великий гетман мог отравиться из-за депрессии, пребывая в состоянии которой он решил ликвидировать источник гражданского раскола в ВКЛ, то есть самого себя. А Богуслав Радзивилл, глядя на пятна на коже покойного, не сомневался, что это дело рук Сапеги [Radziwill, 1979, s. 77]. Богуслав помог полковникам Януша Юшкевичу и Герасимовичу укрепить замок и затем отправился в погоню за Сапегой. Во время своего стремительного марша он дважды настигал хоругви воеводы Витебского.

После смерти гетмана Кейданская уния развалилась. По иронии судьбы другой кузен Януша Михал Казимир Радзивилл остался верен Речи Посполитой и сражался против шведов [Rachuba, 1997, ss. 56–69].

Заключение

В заключение остановимся на нескольких моментах. Определяющую роль в дезинтеграции Польско-Литовского государства сыграл военный фактор. А провал Кейданской унии, в свою очередь, можно считать очередным проявлением децентрализации в самой Литве. Значительная часть литовских магнатов и шляхты считали, что военные действия против Московского государства следует прекратить и достичь с ней прочного взаимопонимания [Wójcik, 1994, ss. 55–62].

Собственно, Януш Радзивилл действовал в русле традиционного для элиты ВКЛ стремления к равноправию с польской элитой и защите своих прерогатив и оказался перед сложной дилеммой выбора политического курса в тяжелой международной ситуации. Этот талантливый политик и лидер следовал своим политическим и конфессиональным ценностям, а его необузданные амбиции и взрывной характер подталкивали его к противоречивым действиям. Учитывая пограничное положение ВКЛ и его статус в Речи Посполитой, сложно утверждать, кем он являлся – предателем или патриотом, к тому же в то время национальное самосознание еще не сформировалось. Дворяне служили конкретному правителю, а понятие родины отождествлялось с местом, где человек родился, и с землями, которыми он владел. Достаточно только вспомнить Великого Конде: еще во время Фронды принц имел сношения с испанцами, а после ее окончания перешел на сторону Мадрида и вплоть до Пиренейского мира 1659 г. между Францией и Испанией воевал против соотечественников. А принц Евгений Савойский, покинув Францию, стал великим имперским полководцем.

Констатация особой роли религии в анализируемых событиях не требует особых доказательств, поскольку, несмотря на завершение Тридцатилетней войны (1618–1648) и вместе с ней конфессионального столетия (вторая половина XVI – первая половина XVII в.), конфликты на религиозной почве еще долго имели существенное значение в международных отношениях в Европе. Усилившееся в условиях кризиса в Польше и Потопа стремление литовских магнатов к самостоятельности проявилось в лавировании между шведской и русской сторонами, на которое оказывали влияние конфессиональная и экономическая ситуация в регионе.

Библиографический список

- Бобятыньский, К. (2011). Письма Януша Радзивилла королю Яну Казимиру о боях с русскими войсками в Литве в феврале – апреле 1655 г. *Единорогъ: материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*, 2, 260–290.
- Заборовский, Л. В. (1981). *Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе*. Москва: Наука.
- Сенкевич, Г. (2018). *Потоп: в 2 т.* Санкт-Петербург: Азбука.
- Флоря, Б. Н. (2010). *Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.)*. Москва: Индрик.
- Frost, R. (2000). *The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe 1558–1721*. Harlow: Longman.
- Konopczyński, W., & Lepszy, K. (Eds.). (1935). *Akta ugody kiejdańskiej 1655 roku*. Wilno.
- Kotljarchuk, A. (2006). *In the Shadows of Poland and Russia: The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century*. Södertörns högskola.
- Kubała, L. (1913). *Wojnaszwecka w roku 1655 i 1656*. Lwów, Warszawa, Poznań: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i Sp.
- Rachuba, A. (1997). Sprawa dóbr Radziwiłłów Birżańskich w latach 1655–1662. *Miscellanea Historico-Archivistica*, 7, 51–70.
- Radziwiłł, B. (1979). *Autobiografia (1620–1667)*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Rudawski, L. J. (1754). *Historiarum Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem olivensem usque, libri novem*. Varsovia.

References

- Bobyatyn'skii, K. (2011). Letters of Janusz Radziwiłł to King John II Casimir about the Battles with Russian Troops in Lithuania (February-April 1655). *Edinorog: Materials on the Military History of Eastern Europe in the Middle Ages and Early Modern Period. Issue 2* (pp. 260–290). Moscow: Kvadriga Publ. (In Russian).
- Florya, B. N. (2010). *The Russian State and Its Western Neighbors (1655–1661)*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian).
- Frost, R. (2000). *The Northern Wars. War, State and Society in Northeastern Europe 1558–1721*. Harlow: Longman Publ.
- Konopczyński, W., & Lepszy, K. (Eds.). (1935). *Akta ugody kiejdańskiej 1655 roku*. Wilno Publ. (In Polish).
- Kotljarchuk, A. (2006). *In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century*. Södertörns högskola Publ.
- Kubala, L. (1913). *Wojnaszwecka w roku 1655 i 1656*. Lwów, Warszawa, Poznań: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i Spółka Publ.
- Rachuba, A. (1997). Sprawa dóbr Radziwiłłów Birżańskich w latach 1655–1662. *Miscellanea Historico-Archivistica*, 7, 51–70. (In Polish).
- Radziwiłł, B. (1979). *Autobiografia (1620–1667)*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy Publ. (In Polish).
- Rudawski, L. J. (1754). *Historiarum Poloniae ab excess Vladislai IV ad pacem oliviensem usque, libri novem*. Varsovia. (In Latin).
- Senkevich, H. (2018). *The Deluge: in 2 vols*. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russian).
- Zaborovskii, L. V. (1981). *Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth, and Sweden in the Mid-17th Century: From the History of International Relations in Eastern and Southeastern Europe*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 04.02.2025

Принята к публикации / Accepted 16.03.2025

Об авторе / About the author

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

Ivonina Liudmila Ivanovna – Dr. Sci. in History, Professor of the Department of Universal History, Smolensk State University, Smolensk, Russia.

ORCID: 0000-0002-7230-0518; e-mail: ivonins@rambler.ru

«Бергенские игры» в освещении источников из Гамбурга и Бергена

М. Б. Бессуднова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
magistrmb@gmail.com

А. А. Лебедева

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
lebedeva.nastasia27@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена одной из сторон жизни ганзейской конторы в Бергене XVI–XVII вв., связанной с обрядами принятия купцов в круг её постояльцев, так называемыми «бергенскими играми». Тема представлена в западноевропейской историографии конца XIX – первой половины XX в. и мало востребована современными историками. Представления о «бергенских играх» были сформированы на основании рукописного материала из Гамбургской городской библиотеки, хотя в настоящее время появилась возможность дополнить их свидетельствами одного рукописного памятника из Бергена, опубликованного в 2001 г. А. Нессе. Сопоставление гамбургского и бергенского варианта описаний «бергенских игр» позволяет дополнить представления о них и отчасти прояснить вопрос об их целевой направленности, который до сих пор считается не до конца разрешённым.

Ключевые слова: ганзейские конторы, Берген, «бергенские игры», ганзейская инициация.

Для цитирования: Бессуднова, М. Б., & Лебедева, А. А. (2025). «Бергенские игры» в освещении источников из Гамбурга и Бергена. *Caurus*, 4(1), 46–56. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-46-56](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-46-56)

Shedding light: The “Bergen games” in Hamburg and Bergen’s sources

Marina B. Bessudnova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
magistrmb@gmail.com

Anastasia A. Lebedeva

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia
lebedeva.nastasia27@gmail.com

Abstract. In this article we study one of the aspects of the Hanseatic counting-house’s life in Bergen during the 16th – 17th centuries. Videlicet, we examine the rituals associated with the admission of merchants into the circle of its residents, the so-called “Bergen games.” This topic was presented in the Western European historiography of late 19th – the first half of the 20th centuries, however, it is an issue of low-demand among modern historians. The prevailing understanding of the “Bergen games” was formed based on manuscript materials from the Hamburg City Library, although it is now possible to supplement this with reports from a handwritten monument preserved in Bergen, published in 2001 by A. Nesse. A comparison of the Hamburg and Bergen versions of the descriptions of the “Bergen games” allows for a more comprehensive understanding of these rituals and sheds some light on their intended purpose, an issue that remains not fully resolved.

Keywords: Hanseatic counting-houses, Bergen, the “Bergen games”, Hanseatic initiation.

For citation: Bessudnova, M. B., & Lebedeva, A. A. (2025). Shedding light: The “Bergen games” in Hamburg and Bergen’s sources. *Caurus*, 4(1), 46–56. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-46-56](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-46-56)

Ганзейский союз торговых городов, являющийся одним из наиболее известных атрибутов западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, достиг положения «скрытой супердержавы» [Graichen, Hammel-Kiesow, 2013] во многом благодаря общности торговых интересов своих членов и особому типу организации, обеспечиваемому успехи ганзейского предпринимательства на протяжении XIII–XVI веков. Костяк этой организации наряду со стапелями, местами упорядоченного, санкционированного товарообмена, составляли четыре ганзейские конторы, располагавшиеся в Новгороде, Лондоне, Брюгге и норвежском Бергене; они же, находясь за пределами Священной Римской империи, маркировали собой пределы ганзейского экономического пространства. Конторы имели представительство на ганзетагах и принимали участие в разработке общеганзейской торговой стратегии, а их уставы фиксировали привилегии или свободы, включавшие заверенные права в отношении налогов и пошлин, определенную долю административно-правовой автономии, правила торговли и нормы поведения ганзейских купцов вне пределов имперской юрисдикции. Всё это в совокупности обеспечивало их постояльцам оптимальные условия для предпринимательства, а именно: экономические преимущества в отношении конкурентов из числа «чужаков» (*fremde*), т. е. неганзейцев, определённого рода внутреннюю стабильность, включая нейтрализацию внутриганзейских противоречий, а также гарантии достойного уровня получения прибылей и определённой социальной безопасности. Конторы обладали стапельным (складским) правом, обеспечивавшим законность реализации ганзейских товаров, а кроме того, играли важную роль в политической стратегии Ганзы, и потому от их постояльцев требовалось немало усилий, чтобы должным образом исполнять свои обязательства перед Ганзой, которые им предписывали международные договоры, привилегии местных властей, постановления ганзетагов и уставы [Burkhardt, 2005; Burkhardt, 2018]. В связи с этим важное значение приобретала задача воспитания и профессиональной подготовки будущего купца, реализация которой представлена, главным образом, на примере новгородской конторы, более известной как Немецкое подворье [Bessudnova, 2020].

Вместе с тем, жизнь в конторах не сводилась лишь к бизнесу или политике. Проживавшие там ганзейцы оказывались оторванными от родных городов, семей, привычного круга общения и образа жизни. Они представляли чисто мужские сообщества, вынужденные создавать собственную среду обитания, свой мир с характерными для него взаимоотношениями, распорядком, бытом и традициями. При глубоком изучении повседневной жизни ганзейских контор между ними обнаруживаются как сходства, так и заметные различия, которые определялись географическими характеристиками, социальным составом, деловыми и прочими обычаями купцов из разных областей Германии, а также требованиями местных правителей или городских властей [Schubert, 2002]. Благодаря стараниям отечественных историков и археологов в настоящее время неплохо изучено Немецкое подворье в Новгороде [Рыбина, 2009; Бессуднова, 2021, с. 88–119], тогда как

обстоятельства жизни лондонского Стального двора [Jörn, 2000] и конторы в Брюгге [Henn, 2014] принадлежат сейчас к сфере интересов зарубежных ганзеведов. В то же время самая молодая ганзейская контора, существовавшая в Бергене с конца XIV по вторую половину XVII в., стала объектом пристального внимания историков не так давно [Müller-Boysen, 2006; Ersland, 2017] и потому менее известна.

Неизвестно, когда точно ганзейские купцы, посещавшие Берген, организовались в контору. Мы знаем лишь, что она уже существовала в 1355 г., когда в источниках упомянуты ее старосты (олдермены) как главы «всего купеческого сообщества в Бергене» (*gemene kopman to Bergen*). Ганзейская контора в Бергене, именуемая с XV в. Немецким мостом ("*Garpenbrücke*", "*Garpestradet*") по причине, предположительно, замощенной территории [Schumann, 1889, s. 61], занимала большой район города, прилегавший к гавани и занятый домами купцов. Контора периода своего расцвета в XV в. включала около 30 дворов и могла принимать 2–3 тысячи человек, включая купцов и обслуживающий персонал [Müller-Boysen, 2006, ss. 226–227]. В Бергене выходцы из среды ганзейского патрициата, именовавшиеся «сынами готовых денег» (*Söhne vom fertigen Geld*)¹, вплоть до второй половины XV в. могли наследовать купеческий статус своих отцов [Schubert, 2002], однако одни только родственные связи не обеспечивали им членство в купеческой ассоциации «Немецкого моста». Претендент должен был пройти своеобразный и весьма мучительный обряд, который известен под названием «игры» (*Spiele, Spill, Spell*) [Schubert, 2002; Burkhardt, 2006, s. 62], впервые упомянутый в ганзейских источниках под 1478 г. [Harttung, 1881, s. 103]. Откупиться от них или обойти стороной было невозможно, поскольку «игры» представляли собой важный элемент идентификации принадлежности купца к ганзейскому сообществу Бергена и его привилегиям, а также служили признанием его совершеннолетия и полноправия со стороны окружающих его людей.

В силу своего значения «бергенские игры» не прошли мимо внимания западноевропейских историков XIX и первой половины XX в. Впервые эту тему затронул основатель ганзеведения (Hanseforschung), немецкий историк Георг фон Сарториус, который перечислил основные виды «игр» при описании внутреннего устройства ганзейской конторы Бергена [Sartorius, 1803, ss. 348–390]. Более обстоятельно их осветил в 1881 г. Д. Хартунг, благодаря которому, в частности, были определены даты начала (1478) и окончания (1671) связанной с ними традиции. По ходу выявления их сущности и причин проведения он предположил, что «игры» восходили к местным обрядам, которые в силу объективных обстоятельств отвечали условиям пребывания ганзейцев в Бергене и некоторым потребностям их торговли. Цель игр, по мнению Хартунга, диктовалась необходимостью доходчиво продемонстрировать новичку тяжёлую ответственность, которую он принимал на себя в момент вступления в купеческое братство конторы. Приложением своей работе автор опубликовал правила проведения основных игр („*Spiel-ordinantz*“) 1653 г. [Harttung, 1881, ss. 108–109], которые он обнаружил в рукописной «Истории города Бремена» из Городской

¹ Дети, которые родились в богатых семьях и унаследовали купеческий статус, а не заработали его сами. См.: [Schubert, 2002, s. 34].

библиотеки Гамбурга (в настоящее время Гамбургская государственная и университетская библиотека им. Карла фон Осецкого).

В рецензии на статью Д. Хартунга, опубликованной Карлом Копманом в том же 1881 г., высказано сожаление, что в ней автор при описании «бергенских игр» использовал лишь один вышеназванный источник датского происхождения, который был малоизвестен в Германии, и это при наличии ряда похожих рукописных памятников, которые более широко отображают проблематику «бергенских игр» и существенно расширяют информацию о них [Korrmann, 1881, ss. 140–144]. Копман указал на существование и места нахождения 22 рукописей (11 датских и 11 немецких), которые, хоть и близки по содержанию, но имеют лексические расхождения, в том числе и в наименованиях «игр», и дают их различные толкования, а также назвал места хранения и публикаций некоторых из них; при этом сам он вслед за Хартунгом отдаёт особое внимание всё тому же фрагменту с описанием «бергенских игр» из Гамбургской городской библиотеки [Korrmann, 1881, ss. 140–141].

Следует также отметить работу К. Краузе, который произвёл сравнение «бергенских игр» с близкими им мероприятиями в других европейских регионах в разные эпохи, вплоть до XIX в., некоторые из которых ему приходилось наблюдать самому [Krause, 1884]. После длительного перерыва, в 1941 г. к данной теме обратился норвежский историк К. Корен-Виберг, представивший обстоятельную историю бергенской конторы. Он использовал широкий спектр документации, принадлежавшей торговавшим в Бергене ганзейским купцам, и обнаружил в ней любопытное сообщение об отношении к «играм» приезжего купца Томмиса Ешинга (*Thommies Eschinck*) [Koren-Wiberg, 1941, ss. 95–97].

В современных исследованиях, посвященных бергенской конторе Ганзы, тема «бергенских игр» как таковая фактически отсутствует, хотя ссылки на отдельные связанные с ними явления, встречаются постоянно. В частности, в 2009 г. М. Буркхард затронул её в рамках историографического очерка и представил изучение её западноевропейской историографией 1890-е гг. [Burkhardt, 2009, s. 16]. После этого «бергенские игры» стали упоминаться в исторических работах лишь как элемент повседневности бергенской конторы, значение которого в настоящее время принято считать переоцененным.

Тема «бергенских игр», таким образом, может показаться закрытой, однако в 2001 г. норвежский историк А. Нессе в рамках своей диссертации, посвященной языковым контактам норвежцев и ганзейцев в Бергене [Nesse, 2001], опубликовал полный текст одной из 11 посвященных этому сюжету нижненемецких рукописей второй половины XVII в., о которых в свое время писал К. Копман. Речь идёт об анонимном сочинении под заголовком «Основание и начало города Бергена» (*“Fundation und anfang Der Stadt Bergen”*) из университетской библиотеки Бергена (Bergen Public Library) [Nesse, 2001, ss. 261–293], в котором мы обнаружили сообщение о «бергенских играх». Тем самым появилась возможность сопоставить их описания в источнике из Гамбургской городской библиотеки, опубликованной К. Копманом [Korrmann, 1881, ss. 141–143], которым в основном пользовались историки конца XIX в., и в бергенской рукописи, что и будет осуществлено в дальнейшем.

В связи с этим, однако, необходимо сделать ряд предварительных ремарок, прежде всего, относительно возраста и статуса участников «бергенских игр». В исторических источниках они чаще всего именуются «мальчиками» (*knappen, junge knechte*), которые попадали в контору в качестве обслуживавшего персонала, что было обусловлено отсутствием там женщин, и лишь в дальнейшем, поднаторев в торговых делах, становились купцами [Burkhard, 2005, ss. 146–150].

Молодость участника «игр» подтверждает, например, история Йохима Шлю (*Jochim Schlu*), представленная в диссертации К. Корен-Виберга. Йохим прибыл в бергенскую контору в 1577 г. в возрасте около 14 лет и участвовал в испытаниях, которые не оставили в его сознании ужасных воспоминаний. Гораздо позже, уже в зрелом возрасте, он стал известен как автор «Комедии о благочестивом, богобоязненном и послушном Исааке» (*Comedia von den frommen Gottfrüchtigen und gehorsamen Isaac*), впервые напечатанной в 1606 г., которую он сопровождал посвящением олдерменам ганзейской конторы в Бергене, что свидетельствует о в целом теплых воспоминаниях о бергенском этапе его жизни. Комедия Йохима, в частности, свидетельствует, что помимо жестоких «бергенских игр» в Брюггене, купеческом квартале Бергена, устраивалось множество культурных увеселений, включая театральные постановки, и сами «игры» воспринимались их норвежскими и немецкими зрителями, как и участниками испытаний, исключительно как праздничное мероприятие [Koren-Wiberg, 1941, ss. 103–106].

Совсем другую оценку содержат воспоминания некоего Гусануса (*Husanus*) из Тюрингии (XVI в.), опубликованные Д. Хартунгом со ссылкой на свидетельство некоего Каролуса Альтштедта (*Karolus Altstaed*) [Harttung, 1881, s. 105]. Гусануса, которому, предположительно, было всего 12 лет, родители отослали в Берген для профессиональной подготовки к купеческой деятельности. Там он прошёл первую «игру», после чего отослал матери свою окровавленную рубашку как доказательство страшных мук и письмо с мольбами о позволении вернуться домой, обещая взамен быть благочестивым и прилежным. Родители разрешили Гусанусу вернуться чуть ли не в тот же год, после чего он посвятил себя учёбе и впоследствии, сдержав свое обещание, стал уважаемым учёным. К. Краузе, в свою очередь, обратившись к этому сюжету, уточнил сведения о Гусанусе, которые почерпнул из жизнеописаний немецких юристов (*Vitae Germanorum Ictorum*) Мельхиора Адама. Благодаря Краузе, в частности, стало известно, что герой рассказа происходил из Айзенаха в Тюрингии, а его отец являлся бургомистром этого города. Подтвердив тем самым достоверность истории Гусануса, Краузе, помимо этого, сделал предположение, что тот был отправлен родителями в бергенскую контору в качестве наказания за плохое поведение [Krause, 1884, ss. 117–118].

Еще один биографический эпизод, имеющий отношение к «бергенским играм», нас вновь отсылает к диссертации Корен-Виберга, один из фрагментов которой посвящён истории пожилого ганзейского купца Томмиса Ешинга (*Thommies Eschinck*). Не имея постоянного места для своих коммерческих предприятий, он однажды оказался в Бергене, где его принуждали принять участие в играх, хотя он на тот момент был уже далеко не молод, являлся полноправным ганзейцем, а в Бергене сам снимал дом для постоя. Обитатели же бергенской конторы настаивали на них на том основании, что он ранее в Бергене не бывал и не принадлежит к их сообществу [Koren-Wiberg, 1941,

ss. 195–97]. Всё это, по мнению Корен-Виберга, свидетельствует об отсутствии ограничений по возрасту, происхождению и статусу, но определённо указывает на обязательность участия в играх для каждого прибывавшего в бергенскую контору.

При выявлении и уточнении содержания «бергенских игр» предполагается произвести сопоставление двух их перечней, которые обнаружены в рукописных памятниках из Гамбурга и Бергена, опубликованных К. Копманом [Korrmann, 1881, ss. 141–143] и А. Нессе [Nesse, 2001, ss. 276–277]. Для облегчения восприятия сведения распределены в двух основных столбцах таблицы. При цитировании сохранены оригинальные лексические формы и стилистика, использованные вышеназванными авторами публикаций рукописного материала, включая использование заглавных и прописных букв, разделение слов, знаки препинания при наличии. В публикации К. Копмана игры при перечислении пронумерованы, что также отражено в таблице; нумерация и указания страниц в перечне Нессе отсутствуют, нумерация приведена авторами настоящей статьи.

Таблица 1. Списки «бергенских игр» в рукописях из Гамбурга и Бергена

	Из Гамбургской городской библиотеки (публ. К. Копмана)		Из университетской библиотеки Бергена (публ. А. Нессе)	Перевод
	Thom ersten else am hilligen lichamsdage		Tho vorordenet hadden als erstlick am Hilligen froeLichnamss dage dat water Spille	Первым делом в день Тела Господня [60-ый день после Пасхи] игра с водой
1.	datt waterspill	1.	Waterspill	Игра с водой
2.	borch storment	2.	Borchstorm	Штурм замка
3.	rockspelle	3.	Rockspill	Игра с дымом
4.	van der hudt werpen	4.	vann der Hudt werpen	ошкурить
5.	perdiken beschlan	5.	Perde beschlann	подковать коняшку/коня
6.	vincken fangen	6.	finckenfagen	поймать [певчую] птичку
7.	kretzschen steken	7.	kreetzkenn stekenn	втыкать крестики
8.	bychten		-	исповедоваться
9.	alltreden	8.	Alltredenn	общий сход
10.	schincken snyden		-	нарезать ветчину
11.	endiken stryken	9.	Entcken stricken	вязать кончики
12.	ancker smeden		-	ковать якорь
13.	kabel schlan	10.	kabelschlagenn	плести канат
14.	swyneken broyen		-	забить свинку
15.	kuelpumpen	11.	kull kampen	откачивать из [выгребной?] ямы
		12.	Bardtscherendt	Подстриги бороду
16.	in de Wage werpen		-	класть на весы
	unde ander stupspele mehr.	13.	vnd Andere Stup Spell	И еще много других глупых игр.

Создать полную картину «бергенских игр» на основе полученных сведений довольно сложно, прежде всего, потому что образующие их испытания ввиду ограниченности источниковой базы с большим трудом подлежат идентификации.

О некоторых из них ничего не известно, за исключением названия, содержание других реконструируется лишь гипотетически.

«Игры» начинались в день Тела Господня, на 60-ый день после Пасхи, т. е. в конце мая – начале июня, когда в северных широтах окончательно сходил лед, и вода в прибрежной полосе прогревалась, что делало более комфортным водные «забавы». С другой стороны, становилось возможным использование молодых, гибких прутьев в качестве другого средства «увеселения». В исторической литературе названы три основные «игры», первые в обоих списках, содержание которых можно, в частности, извлечь из биографий Йохима Шлю и Гусануса с дополнениями в виде различных аналогий. Вот они:

- «Игра с водой» (*datt waterspill, Water spill*), которая сводилась к тому, что новичков увозили в гавань и на лодках отправляли в море, раздевали, после чего ранее прошедшие испытания купцы трижды окунали их в воду, держа за руки, а прочие сидевшие в лодке люди при этом нещадно хлестали испытуемого свежими весенними прутьями. Д. Хартунг упоминает, что по показаниям некоторых источников, в ходе этой «игры» вода становилась красной от крови, а жертвы не могли прийти в себя ещё 8 недель. Отсюда взялась окровавленная рубашка из повествования Гусануса, которую он продемонстрировал родителям после первой «игры» в расчёте на их милосердие и с намерением во что бы то ни стало вернуться домой.

- «Штурм замка» (*borch storment, Borchstorm*). Суть процедуры заключалась в том, что новичка пороли молодыми ветками, которые раньше собирали в лесу. Как и в предыдущих случаях, это делали купцы, которые уже прошли все испытания. Согласно сведениям Д. Харттунга, перед экзекуцией новичков поили допьяна, чтобы в затуманенном состоянии те не могли припомнить лица тех, кто их избивал. Музыкантов же во время «игры» заставляли громко играть, заглушая крики жертвы [Harttung, 1881, 94–97].

- «Игра с дымом» (*rockspelle, Rockspill*). В этом случае испытуемого обвязывали веревками и подвешивали в Шюттинге, здании торговой палаты, над очагом, где горели различные отходы, а чтобы он как можно больше надышался дымом, его заставляли отвечать на различные вопросы.

Как уже говорилось, целевая направленность этих основных «игр» остается на уровне предположений, и первое, о чём тут надлежит подумать, это три основные угрозы, к которым ганзейский купец в Бергене должен быть подготовлен, а именно – кораблекрушение, нападение на контору извне и пожар, весьма разрушительный для её деревянных сооружений. Любой обитатель конторы должен был, не считаясь с травмами и болью, бороться с этими напастями и продемонстрировать эту свою способность своим сотоварищам.

Остальные испытания – 13 в гамбургском документе и 10 в бергенском, судя по всему, не имели изуверского характера и были связаны с повседневной жизнью конторы, в которой неофиты после посвящения должны были принимать самое активное участие. Если даже исключить вероятность непрямого толкования их названий, надо согласиться, что все они восходили к конкретным, весьма прозаическим занятиям: ошкурить (животное или рыбу), подковать коняшку/коня, поймать [певчую] птичку – весьма распространенный способ создания уюта в жилище,

нашинковать ветчину, забить свинку, откачивать [нечистоты] из [выгребной] ямы, подстричь бороду, класть [товары] на весы. Выражение «вязать кончики», которое упомянуто рядом с соревнованиями по ковке (заточке?) якоря и плетению каната, скорее всего, означает изготовление рыболовных сетей, тогда как «втыкать крестики» в сочетании с упоминаниями об исповеди и общем сходе, надо думать, означает нечто, связанное с богослужениями и собраниями, объединявшими всех обитателей конторы.

«Игры», упомянутые в вышеприведённых списках, считались мероприятиями бергенской конторы и потому проводились на её территории в отличие от других, чисто игровых мероприятий, которые, хоть и считались «бергенскими играми», но производились в квартале сапожников. К ним относилась, в частности, «игра в проповедь» – *“prediken spell”* (гамб.) или *“predigenn Spill”* (берг.), которая заключается в произнесении речей с осуждениями распутных женщин в подражание проповедям, [Korpmann, 1881, s. 142; Nesse, 2001, ss. 276–277] – своеобразное решение «женского вопроса» в отношении ганзейцев, проживавших в Бергене в отсутствие семей. Название «игры в равель» (берг. *“Rauell spill”* [Nesse, 2001, s. 277], гамб. *“spill Ravel”* [Korpmann, 1881, s. 143]), к сожалению, расшифровать не удалось, известно лишь, что в ходе неё человека сбрасывали в яму со смесью грязи, навоза, извести и, возможно, рыбного рассола (берг. *“heringess lake”*), и тот должен был окунуться туда и промыть рот, после чего его отмывали (берг. *“it Waschen”*). В гамбургской рукописи упоминается также «игра с мячом» (*balljen*), которая также сопровождалась избиениями [Korpmann, 1881, s. 143]. Как и игра требуше (гамб. *“tryböschen spil”* [Korpmann, 1881, s. 143], берг. *“spill Triboschenn”* [Nesse, 2001, s. 277]), названная так в честь средневекового метательного орудия или соименных рычажных весов. Условия игры неизвестны, кроме того, что проигравших, как водится, били.

В конце бергенской рукописи сказано, что после прохождения этих «игр» прошедшие испытания торжественно принимались в сообщество конторы. Тех же, кто отказывался участвовать в «играх», к купеческой деятельности не допускали [Nesse, 2001, s. 277]. «Бергенские игры» воспринимались их современниками как масштабное увеселение. По этой причине в ходе всего мероприятия присутствовавших зрителей в дополнение к основным зрелищам «шоу» развлекали три купца, первый из которых был переодет шутом, второй крестьянином, третий крестьянкой [Harttung, 1881, ss. 92–98]. Представление, сопровождавшееся грубым юмором и проявлениями насилия, соответствовало духу эпохи и производило впечатление на зрителей. В 1599 г. «бергенские игры» посетил норвежский король Кристиан IV (1588–1648), и испытания его настолько увлекли, что он заставил своего лакея принять в них участие [Harttung, 1881, ss. 104–105].

В XVI–XVII вв. ганзейские города, оказавшиеся под воздействием идей Реформации, делали попытки запретить проведение «бергенских игр» решениями ганзетагов, однако на посетителях бергенской конторы это никак не отразилось. Они продолжали следовать обычаю, и потому «бергенские игры» были полностью запрещены норвежским королём Кристианом V (1670–1699) лишь в 1671 г. [Harttung, 1881, ss. 104–105]. В этот раз запрет сработал по причине общего упадка ганзейской торговли в Бергене и запустения конторы, которая окончательно прекратила своё

существование после пожара 1702 г. Спустя 8 лет умер последний олдермен конторы, место которого впоследствии никто не занял [Harttung, 1881, s. 111].

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что сравнение описаний «бергенских игр» из гамбургской и бергенской рукописей во многом идентично, что подтверждает их восхождение к одной и той же обрядовой стороне жизни бергенской конторы Ганзы. Вместе с тем, существует ряд различий в написании названий игр, и, помимо того, гамбургский вариант содержит на 5 наименований «игр» больше, чем бергенский, в котором, в свою очередь, присутствует одна любопытная «игра», связанная с подрезанием бороды, которой нет в гамбургской рукописи. Соревнования второго плана производились не в пределах конторы, а в квартале сапожников, поскольку не имели для её обитателей столь серьёзного значения, как те, что представлены выше в таблице.

Принято считать, что приобрести статус ганзейского купца в Бергене было проще, нежели в других точках ганзейского торгового пространства, поскольку эта процедура сводилась к серии испытаний, порой издевательских и даже мучительных, не требовавших, однако, от претендента много времени и средств [Schubert, 2002, s. 34]. Помимо этого, «бергенские игры» поражают своим практицизмом, поскольку их основной смысл сводился к демонстрации способности ганзейского купца справляться с любыми опасностями на море, во время нападений и при пожарах, выдерживать разного рода испытания и боль, откуда и произошли три первых самых мучительных испытания. Следует, однако, обратить внимание, что большинство испытаний в программе «бергенских игр» ничего мучительного или унижительного в себе не содержали, поскольку в отличие от трёх первых, ориентировались на повседневные нужды обитателей подворья, чья жизнь во многом зависела от умения каждого из них выполнять определённый набор работ. Поэтому к участиям в «играх» привлекали даже сыновей богатых купцов, которые не должны были являться обузой для своих сотоварищей. По той же причине бергенскую рукопись завершает правило, согласно которому лишь тот, кто прошел испытания и тем самым доказал свою высокую подготовленность к предпринимательской деятельности, вправе рассчитывать на статус полноправного члена ганзейской конторы в Бергене. В гамбургской рукописи этот фрагмент или отсутствовал изначально, или, что не исключено, был опущен К. Копманом при редактировании.

Пример «бергенских игр», таким образом, позволяет рассматривать серьёзную, доказанную делами практическую подготовку ганзейского купца как свидетельство групповой идентичности обитателей контор Ганзы, возможно, не менее важное, чем обладание привилегиями. И хотя аналоги «бергенских игр» в судьбах трёх других ганзейских контор не обнаруживается, мы в праве допустить, что там имели место другие формы выявления подготовленности купца к пребыванию там в качестве постояльца, что, разумеется, требует отдельного и весьма пристального рассмотрения.

Библиографический список

- Бессуднова, М. Б. (2021). *Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Рыбина, Е. А. (2009). *Новгород и Ганза*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
- Bessudnova, M. (2020). Vocation education of hanseatic merchants in Veliky Novgorod. *Pedagogical Education – History, Present Time, Perspectives. Vol. 87: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 762–768). European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.02.100>
- Burkhardt, M. (2005). Die Ordnungen der vier Hansekontore Bergen, Brügge, London und Novgorod. *Das Hansische Kontor zu Bergen und die Lübecker Bergenfahrer: International Workshop Lübeck 2003* (s. 58–77.). Lübeck: Schmidt-Römhild.
- Burkhardt, M. (2006). Das Hansekontorin Bergen im Spätmittelalter – Organisation und Struktur. *Hansische Geschichtsblätter, 124*, 21–70.
- Burkhardt, M. (2009). *Der hansische Bergenhandel im Spätmittelalter. Handel – Kaufleute – Netzwerke*. Band 60: Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Köln, Weimar, Wien: Böhlau.
- Burkhardt, M. (2018). Kontors and Outposts. *Brill's Companions to European History. Vol. 8: Companion to the Hanseatic League* (pp. 127–161). Leiden, Boston: Brill.
- Ersland, G. A. (2017). Bergen 1300–1600: a trading hub between the North and the Baltic Sea. *The Routledge handbook of maritime trade around Europe, 1300–1600* (pp. 428–445). London, New York: Routledge
- Graichen, G., & Hammel-Kiesow, R. (2013). *Die Deutsche Hanse. Eine heimliche Supermacht*. Reinbek: Rowohlt Taschenbuch.
- Harttung, J. (1881). Die Spiele der Deutschen in Bergen. *Hansische Geschichtsblätter, 7*, 89–111.
- Henn, V. (2014). "...dat wie up dat gemelde kunthoer tho Brugge ... eyn kleyn upmercken gehat und noch hebben...": Neue Forschungen zur Geschichte des Brügges Hansekontors. *Hansische Geschichtsblätter, 132*, 1–45.
- Jörn, N. (2000). "With money and bloode". *Der Londoner Stalhof im Spannungsfeld der englisch-hansischen Beziehungen im 15. und 16. Jh.* Köln: Böhlau.
- Koppmann, K. (1881). Herluf Lauritssöns Bericht über die Spiele der Deutschen zu Bergen. *Hansische Geschichtsblätter, 7*, 140–144.
- Koren-Wiberg, C. (1941). *Hanseatene og Bergen Forholdet mellem de kontorske og det bergenske bysamfund*. Bergen.
- Krause, K. E. N. (1884). Zu den Bergen'schen Spielen. *Hansische Geschichtsblätter, 10*, 109–124.
- Müller-Boysen, C. (2006). Die "Deutsche Brücke" in Bergen und die Niederlassungen in Tönsberg und Oslo. Bracker J. *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos* (s. 223–234). Lübeck: Schmidt-Römhild.
- Nesse, A. (2001). *Språkkontakt mellom norsk og tysk i hansatidens Bergen*. Tromsø.
- Sartorius, G. F. (1803). *Geschichte des Hanseatischen Bundes. Bd. 2*. Göttingen: H. Dieterich.
- Schubert, E. (2002). Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse. *Concilium mediaevi, 5*, 1–50.
- Schumann, C. (1889). Die deutsche Brücke im Bergen. *Hansische Geschichtsblätter, 18*, 55–125.

References

- Bessudnova, M. (2020). Vocation education of hanseatic merchants in Veliky Novgorod. *Pedagogical Education – History, Present Time, Perspectives. Vol. 87: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 762–768). European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.02.100>
- Bessudnova, M. B. (2021). *Russian-Hanseatic trade in the first half of the XVI century*. St. Petersburg: Evraziya Publ. (In Russian).
- Burkhardt, M. (2005). Die Ordnungen der vier Hansekontore Bergen, Brügge, London und Novgorod. *Das Hansische Kontor zu Bergen und die Lübecker Bergenfahrer. International Workshop Lübeck 2003* (pp. 58–77.). Lübeck: Schmidt-Römhild Publ. (In German).
- Burkhardt, M. (2006). Das Hansekontorin Bergen im Spätmittelalter – Organisation und Struktur. *Hansische Geschichtsblätter, 124*, 21–70. (In German).
- Burkhardt, M. (2009). *Der hansische Bergenhandel im Spätmittelalter. Handel – Kaufleute – Netzwerke*. Band 60. Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Publ. (In German).
- Burkhardt, M. (2018). Kontors and Outposts. In D. J. Harreld (Ed.). *Brill's Companions to European History Vol. 8. Companion to the Hanseatic League* (pp. 127–161). Leiden, Boston: Brill Publ.
- Ersland, G. A. (2017). Bergen 1300–1600: a trading hub between the North and the Baltic Sea. In W. Blockmans (Ed.). *The Routledge handbook of maritime trade around Europe, 1300–1600* (pp. 428–445). London, New York: Routledge Publ.
- Graichen, G., & Hammel-Kiesow, R. (2013). *Die Deutsche Hanse. Eine heimliche Supermacht*. Reinbek: Rowohlt Taschenbuch Publ. (In German).
- Harttung, J. (1881). Die Spiele der Deutschen in Bergen. *Hansische Geschichtsblätter, 7*, 89–111. (In German).

- Henn, V. (2014). "... dat wie up dat gemelde konthoer tho Brugge ... eyn kleyn upmercken gehat und noch hebben..." Neue Forschungen zur Geschichte des Brügges Hansekontors. *Hansische Geschichtsblätter*, 132, 1–45. (In German).
- Jörn, N. (2000). "With money and bloode". *Der Londoner Stalhof im Spannungsfeld der englisch-hansischen Beziehungen im 15. und 16. Jh.* Köln: Böhlau Publ. (In German).
- Koppmann, K. (1881). Herluf Lauritssöns Bericht über die Spiele der Deutschen zu Bergen. *Hansische Geschichtsblätter*, 7, 140–144. (In German).
- Koren-Wiberg, C. (1941). *Hanseatene og Bergen: forholdet mellem de kontorske og det bergenske bysamfund*. Bergen. (In Norwegian).
- Krause, K. E. N. (1884). Zu den Bergen'schen Spielen. *Hansische Geschichtsblätter*, 10, 109–124. (In German).
- Müller-Boysen, C. (2006). Die "Deutsche Brücke" in Bergen und die Niederlassungen in Tönsberg und Oslo. In J. Bracker (Hg.). *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos* (pp. 223–234). Lübeck: Schmidt-Römhild Publ. (In German).
- Nesse, A. (2001). *Sprakkontakt mellom norsk og tysk i hansatidens Bergen*. Tromsø. (In Norwegian).
- Rybina, E. A. (2009). *Novgorod and the Hanse*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ. (In Russian).
- Sartorius, G. F. (1803). *Geschichte des Hanseatischen Bundes. Bd. 2*. Göttingen: H. Dieterich Publ. (In German).
- Schubert, E. (2002). Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse. *Concilium medii aevi*, 5, 1–50. (In German).
- Schumann, C. (1889). Die deutsche Brücke im Bergen. *Hansische Geschichtsblätter*, 18, 55–125. (In German).

Поступила в редакцию / Received 11.01.2025
Принята к публикации / Accepted 16.02.2025

Об авторах / About the authors

Бессуднова Марина Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Bessudnova Marina Borisovna – Dr. Sci. in History, professor of the Department of World History and International Relations, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0000-0003-0207-1948; e-mail: magistrmb@gmail.com

Лебедева Анастасия Александровна – студент 4 курса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Lebedeva Anastasia Aleksandrovna – 4th year bachelor's student, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.
ORCID: 0009-0009-9889-2855; e-mail: lebedeva.nastasia27@gmail.com

«История города Выборга» Юхана Вильгельма Руута: книга, которая ждала перевода 120 лет

А. В. Мельнов

Выборгский объединенный музей-заповедник, Выборг, Россия
alexmelnov@yandex.ru

О. В. Костанда

Выборгский объединенный музей-заповедник, Выборг, Россия
olgakostanda@mail.ru

С. А. Куприк

Выборгский объединенный музей-заповедник, Выборг, Россия
sofiya_kuprik@vk.com

Аннотация. Статья посвящена проекту перевода на русский язык фундаментального труда Юхана Вильгельма Руута «История города Выборга» – работы, которая более века оставалась недоступной русскоязычному читателю, несмотря на ее значение для изучения прошлого города. Авторы не только анонсируют выход перевода, но и анализируют историографический контекст создания книги, ее структуру и методологию, уделяя внимание сложностям перевода: передаче топонимов, адаптации устаревших административных понятий и приведению текста в соответствие с современными научными стандартами. Проект, инициированный Выборгским объединенным музеем-заповедником, стал результатом совместной работы как историков, так и филологов. В процессе перевода редакторская коллегия разработала и специальный научный аппарат в виде примечания редакторов – комментариев, которые поясняют специфические термины, проводят сопоставление исторических реалий эпохи создания труда с новыми научными данными, а также предлагают варианты интерпретации текста.

Ключевые слова: Выборг, Ю. В. Руут, История города Выборга.

Для цитирования: Мельнов, А. В., Костанда, О. В., & Куприк, С. А. (2025). «История города Выборга» Юхана Вильгельма Руута: книга, которая ждала перевода 120 лет. *Caurus*, 4(1), 57–71. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-57-71](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-57-71)

Johan Wilhelm Ruuth's *History of Vyborg*: A century-long wait for translation

Alexey V. Melnov

Vyborg United Museum Reserve, Vyborg, Russia
alexmelnov@yandex.ru

Olga V. Kostanda

Vyborg United Museum Reserve, Vyborg, Russia
olgakostanda@mail.ru

Sofiia A. Kuprik

Vyborg United Museum Reserve, Vyborg, Russia
sofiya_kuprik@vk.com

Abstract. This article discusses the Russian translation of Johan Wilhelm Ruuth's seminal work *Viborgs stads historia* (History of Vyborg) – the text unavailable to Russian readers for over a century despite its importance for the city's historical studies. The authors announce the translation's publication while examining the book's historiographical context, structure and methodology. Special focus is given to translation challenges: toponym rendering, updating obsolete administrative terminology, and aligning the text with modern academic standards.

Keywords: Vyborg, Johan Wilhelm Ruuth, *Viborgs stads historia*, History of Vyborg.

For citation: Melnov, A. V., Kostanda, O. V., & Kuprik, S. A. (2025). Johan Wilhelm Ruuth's History of Vyborg: A century-long wait for translation. *Caurus*, 4(1), 57–71. [https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4\(1\)-57-71](https://doi.org/10.34680/Caurus-2025-4(1)-57-71)

Историография Выборга, города с уникальным многовековым прошлым на стыке культурных традиций, получила в 2024 г. значительное пополнение. Выборгский объединенный музей-заповедник представил широкой публике первую главу перевода на русский язык фундаментального труда Юхана Вильгельма Руута «История города Выборга» [Руут, 2024]. Восполнить существенный пробел в отечественной историографии удалось лишь спустя 120 лет, прошедших с момента первой публикации. Однако, эта работа не утратила своей актуальности. Универсальность и своего рода энциклопедичность издания, основанного на широкой источниковой базе, позволяет ему оставаться незаменимым и в наши дни. Основная часть более поздних монографий и путеводителей, посвященных истории города, во многом основывалась на текстах Ю. В. Руута [Адаскина и др., 1961; Viiste, 1943; Кепп, 1977; Кауппи, Miltšik, 1993; Тюленев, 1995; Gardberg, Welin, 1996; Сакса, 2020 и др.]. Зачастую в эти тексты включены переводы или цитаты из книги Руута.

Попытки актуализировать и расширить работу Ю. В. Руута предпринимались неоднократно. В 1925 г., к 50-летию муниципального управления Выборга, было принято решение о переиздании книги с дополнениями, охватывающими период до провозглашения независимости Финляндии. Сам автор, Юхан Вильгельм Руут, активно включился в работу и подготовил тематический план дополнений. Однако в 1928 г. он скончался. Завершение проекта взял на себя сотрудник Государственного архива Рагнар Розен [Тиканваара, 2021], под его редакцией вышла в свет лишь первая часть обновленного издания, доведенная до 1617 г. [Rosén, 1931]. Переиздание научного наследия Руута удалось довести до конца лишь в 1970-х гг.

В 1974–1981 гг. коллектив авторов и редакторов, включая советского археолога Вячеслава Альбертовича Тюленева, осуществил масштабный проект пятитомной «Истории города Выборга» [Halila, 1974; Kuujo, 1975; Kuujo, 1981; Rosén, 1982]. В первых трех томах был сохранен значительный пласт оригинального текста Руута, однако многие детали, связанные с подробностями городского быта, оказались сокращены как несущественные.

Тем не менее полноценный перевод труда Руута на русский язык так и не был выполнен. В Советском Выборге авторы первых путеводителей, газетных и литературных очерков, а также исторических справок на памятники архитектуры основывались на фрагментарных переводах с финноязычного издания, выполненных в 1950–1960 гг. сотрудницей Государственного архива Ленинградской области в г. Выборге (ныне – Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге) Эльзой Матвеевной Риор. Отсутствие полного перевода и его издания объясняется как объективными трудностями (значительный объем оригинального текста – свыше 1000 страниц), так и субъективными причинами, зачастую организационного характера.

Стоит упомянуть, что первым официальным археографом и одновременно историографом Выборга по праву можно считать Вильгельма Габриэля Лагуса-младшего, автора книги *Ur Viborgs historia* («Из истории Выборга»), первый том которой вышел в юбилейный 1893 г. Тогда Выборгскому замку исполнилось 600 лет. В процессе работы над книгой Габриэль Лагус частично привел в порядок архив Выборгского городского совета и составил описи, которые были переданы вместе с его рукописями в Исторический музей города [Волкова, 2022, с. 138–139]. При всей основательности исследования, оно охватывало только шведский период истории города – и лишь по избранным темам. Из-за скоростной кончины автора книга осталась незаконченной. Всего ожидалось три части, а вышли в свет две.

Первая книга [Lagus, 1893] посвящена градостроительной и фортификационной истории Выборга в шведский период. Автор структурировал материал по хронологическому принципу. Вводная часть посвящена основанию замка Выборг, христианизации Карелии и происхождению топонима «Выборг». Далее автор выделяет три ключевых этапа: от основания замка до правления Эрика XIV (первый период), от Юхана III до Столбовского мира (второй период) и от 1617 г. до перехода города и замка России в 1710 г. (третий период). Внутри каждого раздела Лагус рассматривал эволюцию укреплений, застройку, включая культовую и городскую архитектуру, а также последствия пожаров и других бедствий. Уделено внимание и описаниям Выборга в ранних источниках, таких как сочинения Пауля Мойса и Георга Хавемана. Завершает том глава о внутреннем убранстве домов и облике Выборга на закате шведского владычества.

Вторая книга [Lagus, 1895] смещает акцент с материальной культуры на социальную и этническую историю. Автор анализирует состав населения, выделяя четыре основных, как он их называет, «элементов»: немецкий, шведский, финский и русский. Каждой группе посвящен отдельный раздел. Интерес вызывают описанные Лагусом национальные конфликты, например, дело Йохана и Самуэля Крёэлей

или история Клаудиуса Теслеффа. Завершает том статистика численности населения, основанная на мантальных списках 1540–1708 гг.

В отличие от труда Лагуса, чье исследование фрагментарно и каждая книга сосредоточена на разных аспектах, книга Ю. В. Руута выстроена как целостное повествование, где каждая глава последовательно ведет читателя через все этапы истории Выборга. Уже в первой главе, посвященной «ленному периоду», Руут не ограничивается описанием замка и укреплений, а разбирает систему управления, роль наместников, развитие торговли и ремесел, церковные институты и даже повседневные детали – от одежды до суеверий.

Инициатива создания комплексного исследования по истории Выборга возникла еще в период подготовки к 500-летию получения городских прав (в 1903 г.). Муниципальные власти осознавали необходимость подготовки научного труда, систематизирующего знания о прошлом города. Из бюджета была ассигнована сумма на написание книги, и оставалось лишь найти того, кто возьмется за столь сложную и ответственную работу. Выбор пал на доктора философии Ю. В. Руута (1854–1928), актуариуса Государственного архива Великого княжества Финляндского. К моменту начала работы над книгой он уже имел репутацию компетентного специалиста по истории Финляндии. Его профессиональный путь начался с должности учителя в выборгском Шведском лицее, к закату карьеры он достиг должности руководителя Государственного архива Финляндии [“Professori J. W. Ruuthin ruumiinsiunaus”, 1928]. Особенно ценным для заказчика был опыт в изучении ганзейско-финляндских отношений, отраженный в докторской диссертации 1882 г. *Tutkimuksia Suomen ja Hansan välisestä suhteistaennenvuotta 1435* («Изучение отношений Финляндии с Ганзейским союзом в период до 1435 года») [Ruuth, 1882]. Будучи актуариусом Руут продолжал заниматься изучением истории, в том числе выпустил такие работы, как: *Suomen rälssi miesten sineteistä lopulla 1500-lukua ja alussa 1600-lukua* («Печати финского дворянства в конце XVI – начале XVII столетий») [Ruuth, 1891], *1500-luvun maakirjoissa mainituista “flöte-veroista”* («Упоминание о “flöte-veroista” в поземельных книгах XVI века») [Ruuth, 1892], *Ranskan historia* («История Франции») [Ruuth, 1892–1893] и другие работы. Таким образом, к началу XX в. Руут был уже признанным в Великом княжестве Финляндском специалистом в области изучения родной страны эпохи Средневековья и Раннего Нового времени [“Professori J. W. Ruuthin ruumiinsiunaus”, 1928]. Кроме того, в 1897 г. вышла в свет его первая работа, посвященная городской истории Бьёрнборга (Пори) [Ruuth, 1897]. Поэтому выбор со стороны властей Выборга был очевиден.

«История города Выборга» выходила в свет отдельными шестью «тетрадами» (главами) в период с 1903 по 1906 г. [Ruuth, 1903; Ruuth, 1906]. По мере выхода глав книги их сразу переводили на финский язык, и в 1904–1908 гг. появилось финноязычное издание [Ruuth, 1904–1908]. Поскольку полный комплект тетрадей владельцы отдавали в переплетные мастерские, то в библиотеках и музеях невозможно найти два абсолютно идентичных экземпляра первого издания. Более того, многие из них прошиты в две книги, а некоторые – в одну. Каждая из шести тематических глав охватывала определенный исторический период – от древнейшего времени до 1900 г.

Первая часть «Истории города Выборга» начинается с введения, которое охватывает ранний период истории, начиная с древнейших поселений в Карелии и основания Выборгского замка в 1293 г. в ходе Третьего шведского крестового похода под руководством Торгильса Кнутссона. Описывается «Старый Выборг» – его возникновение, роль как портового города и внешний облик. В следующей за ним **первой главе, «Феодалный и Ганзейский период 1323–1534 годов»**, рассматриваются архитектурные особенности замка, который стал ключевым форпостом шведской власти в регионе, раскрываются важные аспекты городской жизни. Уделено внимание масштабным строительным работам в замке при Карле Кнутссоне Бунде и Эрике Аксельссоне Тотте, а также формированию городской инфраструктуры, включавшей культовые сооружения (церкви, францисканский и доминиканский монастыри) и административные здания (ратуша). Значительное место отведено торговым связям Выборга, особенно с Ревелем (Таллинном) и Ганзейским союзом. Автор анализирует конфликты и сотрудничество с Ганзой, попытки города добиться экономической независимости и роль Выборга в транзитной торговле между Востоком и Западом. Отдельный раздел посвящен военному значению Выборга, включая описание осад 1351, 1411 и 1495 гг.

Вторая глава, «Переходный период 1535–1617 года». Это время стало для Выборга этапом глубоких преобразований, когда город постепенно утрачивал черты средневековой крепости, обретая новые функции административного и торгового центра. Начало периода ознаменовалось кардинальной перестройкой главной доминанты замка – башни Святого Олафа, которая в это время приобрела свои характерные очертания, в том числе была модернизирована система укреплений, усилившая оборонительное значение замка. Параллельно с преобразованием замкового комплекса изменялась городская среда. Произошел рост населения, связанные с этим проблемы перенаселенности и антисанитарии приводили к частым пожарам, в результате этого принимались меры по расширению городской территории. Развивалось каменное строительство, осваивались новые районы. Важнейшими элементами оборонительной системы стали новые бастионы Панцерлакс и Эуряпя, составившие основу т. н. Рогатой крепости, а также сохранившаяся до наших дней Круглая башня – наглядное свидетельство фортификационных работ эпохи Густава Васы. Развитие артиллерийского вооружения сделало неизбежной перестройку замковых и городских укреплений – старые оборонительные системы уже не могли обеспечить надежную защиту. Политическая жизнь этого периода отличалась нестабильностью: частая смена замковых штатгальтеров, осада 1599 г., казни участников сопротивления – все это создавало атмосферу нестабильности. Однако именно в этих условиях происходило становление городского самоуправления, реорганизация судебной системы, упорядочение вопросов бюргерского «гражданства». Особую роль в жизни города играло немецкое бюргерство, чья деятельность способствовала экономическому развитию Выборга. Экономика Выборга в 1558 и 1559 гг. переживала значительный подъем, в основном благодаря торговой политике Класа Кристерссона Хорна. Социальные и духовные сферы городской жизни также подверглись серьезной трансформации под влиянием Реформации, охватившей регион в этот период.

Завершился этот сложный, но важный этап городской истории русско-шведской войной 1609–1617 гг. и подписанием Столбовского мира, которые подвели черту под эпохой преобразований.

Глава третья, «Расцвет Выборга в период меркантилизма (1617–1710)».

В XVII в. Выборг переживал эпоху расцвета, связанную с развитием торговли и городского хозяйства. Хотя Выборгский замок постепенно утрачивал военное значение, сам город активно расширялся и перестраивался. Серьезным испытанием стали пожары 1627, 1628 и 1652 гг., которые уничтожили значительную часть деревянной застройки. Однако благодаря инициативе губернатора Пера Брахе Младшего началась масштабная перепланировка города, в результате которой улицы приобрели более упорядоченный вид. Городом также управлял Совет. Между членами Совета и губернаторами нередко возникали конфликты. Буржуазия Выборга была многонациональной: формируя свои политические группировки, здесь жили немцы, шведы, финны. Экономика города основывалась на торговле, прежде всего экспорте дёгтя и импорте соли. Выборг стал ведущим торговым центром в Финляндии. Создавались торговые компании, но их монополии вызывали недовольство купцов. Помимо дёгтя, важное значение имела торговля табаком и древесиной. Важную роль в пополнении городской казны играли торговые пошлины и земельные владения. Социальная жизнь города была насыщенной. В Выборге существовала своя литературная и культурная среда, ставились комедии, развивалась портретная живопись. Однако дуэли, ночные дебоши, пасквилы (как, например, сочинение Пауля Мойя) и суеверия будоражили жизнь города. В 1700 г. началась Великая Северная война (1700–1721). В результате осады 1710 г. город и замок капитулировали перед русскими войсками, что положило конец шведскому периоду в его истории.

Глава четвертая, «Российский период (1710–1812)». После взятия Выборга в 1710 г. город вошел в состав России, что повлекло за собой значительные изменения в его жизни. Сильно пострадавший во время осады 1710 г. замок утратил свое прежнее оборонительное значение, отныне «хранителями» Выборга стала крепость бастионного типа Корон-Санкт-Анна. Из Старого кафедрального собора местные приходы переселились в стены бывшего доминиканского монастыря. Городская инфраструктура также претерпела серьезные изменения. Однако строительство осложнялось такими факторами, как недолговечность зданий, антисанитария и частые пожары, особенно наиболее разрушительные, приключившиеся в 1738 и 1793 гг. После последнего пожара был разработан новый генеральный план города. Административное управление в Выборге в этот период отличалось запутанностью и частыми реформами. Власть делилась между обер-комендантами, губернаторами и наместниками, среди которых были такие фигуры, как Иван Максимович Шувалов, Адальберт де Кулон, Фридрих Вильгельм Вюртембергский и князь Федор Павлович Щербатов. Город долгое время боролся за подтверждение своих привилегий, подавая многочисленные прошения, и лишь в 1742 и 1764 г. они были подтверждены. Однако магистрат оставался слабым, страдая от внутренних раздоров и низкого статуса. Социальная структура города также менялась. Бюргерство, состоявшее из немцев, шведов и финнов, постепенно пополнялось русским элементом, что вызывало конкуренцию и конфликты. Торговля, особенно экспорт леса, досок и дёгтя, оставалась

основой экономики, однако росло значение импорта и судоходства. Городские финансы были нестабильны: различного вида повинности тяжелым бременем ложились на жителей. При этом власти пытались наладить инфраструктуру – организовывали уличное освещение, заботились о бедных, открывали богадельни и аптеки. Религиозная жизнь также претерпела изменения: наряду с лютеранским приходом появились православный и католический. Культурная жизнь Выборга отражала влияние как западных, так и русских традиций. Театры, балы, маскарады и клубы стали частью жизни высшего общества. В конце XVIII в. началось постепенное воссоединение Выборга с остальной Финляндией, что стало новым этапом в истории города. К 1812 г. Выборг представлял собой «уникальный сплав шведского прошлого, российского влияния и финского будущего».

Второй том продолжает **глава пятая, «Период воссоединения (1812–1875)»**. После формирования в 1809 г. в составе Российской империи Великого княжества Финляндского и присоединения к нему Выборгской губернии и Выборга в 1811 г. город начал постепенно трансформироваться, сохраняя при этом черты прежней эпохи. Одним из ключевых вопросов стало получение городом прав на владение замком. В этот период в Выборге появились новые значимые постройки: Дом собраний, Выборгский театр, дворец президента гофгерихта, Шведский классический лицей и др. Город расширялся, но оставался тесным в пределах старых стен, что привело к постепенному сносу укреплений и созданию нового генерального плана застройки. Формировалось новое городское управление. Состав городского представительства отражал многонациональный характер Выборга – здесь жили шведы, финны, немцы и русские. Экономика Выборга в этот период переживала подъем, особенно после открытия Сайменского канала в 1856 г. и строительства железной дороги. Торговля, ранее ограниченная, резко активизировалась: экспорт древесины, импорт товаров из России и Европы, развитие судоходства. Появились крупные акционерные общества, такие как банк Северных стран, фирмы «Хакман и Ко», «Пауль Валь и Ко», игравшие ключевую роль в экономике. Промышленность также развивалась – работали льнопрядильни, сахарные заводы, табачные фабрики и пивоварни, хотя ремесленные гильдии постепенно теряли влияние. Городская казна формировалась за счет налогов, но их распределение вызывало споры между бюргерством и остальными жителями. Значительные средства направлялись на социальные нужды: содержание пожарной команды, помощь бедным, здравоохранение. В городе действовали благотворительные фонды, богадельни, больницы. Образовательная система Выборга включала гимназии, училища, народные школы, а также частные пансионы для разных национальных групп. В городе действовали библиотеки, читальня, организовывались публичные лекции, народные чтения. В 1845 г. было основано Выборгское Финское литературное общество. Процветала книжная торговля. Культурная жизнь наполнялась театрами, концертами, городскими балами, существовало выборгское танцевальное общество, проводились маскарады. В военном отношении город утратил прежнее значение. В период Крымской войны Выборгская крепость была приведена в боевое состояние, однако после замка признали непригодным для обороны, а городские укрепления

постепенно исчезали. Также в этот период система городского управления претерпевала трансформацию.

Шестая, заключительная, глава, «Первая четверть века новой системы местного самоуправления (1876–1900)». Одним из первоочередных вопросов, вставших перед новыми городскими властями, стала судьба Выборгского замка. После рассмотрения вопроса Государственный совет утвердил проект его реставрации, что позволило бы сохранить этот древний символ города. В указанный период Выборг интенсивно развивался, органично сочетая исторические укрепления с современными городскими кварталами. Не осталось без внимания развитие и усовершенствование инфраструктуры: канализационной системы, возведение новой набережной, углубление судоходного фарватера к гавани, а также прокладка железнодорожных путей, включая ветку от гавани. После временного спада в торговой сфере наметилось оживление, обусловленное развитием судоходства и укреплением рыночных связей. Крупные торговые компании активно занимались экспортными операциями, а местные банковские учреждения поддерживали их деловую активность. Демонстрировал рост и промышленный сектор: в районе Хави функционировали многочисленные фабрики, а механические цеха и различные производства обеспечивали горожан рабочими местами. Выборг сохранял свой традиционно многонациональный состав населения. Сфера образования и культуры переживала период расцвета: в городе работали шведские и финские гимназии, коммерческое и навигационное училища, публичная библиотека с читальным залом. Издавались газеты на разных языках, был открыт историко-этнографический музей, а в городском пространстве устанавливались новые памятники. К концу XIX в. Выборг превратился в современный город, где гармонично сочетались историческое наследие и достижения прогресса.

Последняя глава также включает в себя приложение: список глав города, членов городского совета и прочих должностных лиц, представителей Выборга в Риксдаге и Ландтаге (Сейме), генеалогические таблицы выдающихся выборгских семей и статистические таблицы, именной и географический указатели, а также гербы и карты Выборга.

Автор книги был носителем классического образования, обучавшимся в университете на трудах французских, немецких и шведских историков-позитивистов XIX в. Текст первых двух глав основан на анализе доступных автору архивных документов, а также вышедших на тот момент сборников документов. Вопросы торговых и политических взаимоотношений с Ганзой, Ревелем и южный берегом Финского залива основаны на сводах опубликованных ливонских актов *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten*, подготовленных Ф. Бунге, П. Шварцем, Л. Арбузовым и Х. Хильдебрандом, а также на протоколах и материалах ганзейских съездов, составители Д. Шефер и Г. фон де Ропп. Немногочисленные документы по средневековой истории Швеции и Финляндии воспроизводились по публикациям документов, в первую очередь, А. И. Арвидссона *Handlingar till upplysning af Finlands häfder*, а также О. С. Рюдберга *Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar...*, Э. Грэнблада *Nya källor till finlands medeltidshistoria* и др. В научный оборот вводились документы (реже средневековые, чаще Раннего Нового времени) из Шведского государственного архива и Государственного архива

Великого княжества Финляндского. Что немаловажно для церковной истории католического периода, автором также использовались документы архива Ватикана через выписки К. Х. Карлссона, доступные исследователям рубежа прошлых веков в Стокгольме. Топография города, история его институтов и жителей основана на документах Национального архива Финляндии, источники по Средневековью и Раннему Новому времени хранятся в двух фондах. Первый, ***Voudintilit 1537–1634 / Fogderäkenskapen 1537–1634*** («Счетные книги 1537–1634 гг.») – учетные документы, относящиеся к Финляндии за период с 1537 по 1634 г. В XIX в. эти материалы были систематизированы в хронологическом порядке: номера с 1 по 483 включают финансовые и прочие документы общего характера, охватывающие всю страну или несколько ленов, тогда как номера с 484 по 6807 содержат сведения, касающиеся отдельных ленов и их администраций. Иногда эти книги называют «Синей коллекцией» – по цвету переплета. Второй фонд: ***Läänintilit / Länsräkenskapen 1635–1808*** («Ленные счетные книги 1635–1808 гг.»). Данная коллекция включает финансовую документацию, относящуюся к Финляндии за период с 1635 по 1808 г. Материалы систематизированы в хронологическом порядке, при этом их нумерация продолжает нумерацию более ранних счетных книг (*Voudintilit / Fogderäkenskapen*). Материалы делятся на общие и ленные. Большинство материалов сгруппировано по принципу административного деления на лены, существовавшего в XVII–XVIII вв. В рамках каждого лена документы организованы в хронологические подборки, включающие: земельные книги (*landsbok*); поземельные (*jordebok*); верификационные или окладные книги (*vertifikationsbok / avkortningsbok*); а начиная с середины XVIII в. – также и мантальные списки (*mantalslängder*).

В тексте Ю. В. Руута мы видим свойственный тому времени позитивизм. Будучи архивистом и знатоком коллекции Государственного архива Великого княжества Финляндского, он, несомненно, исходил из принципа «История пишется по документам». Строгое следование за документами, например, отражается в вариативности написания ряда имен и топонимов, где автор воспроизводил документ. В то же время при построении структуры текста глав Руут использовал ряд методологических новшеств социологии периода ее становления как науки. Автор избрал следующее членение своего повествования: административно-политическая, социальная и экономическая, религиозно-культурная сферы общественной жизни, лишь в конце приводится военная история с описанием осад. Сложно ответить на вопрос, такой выбор был сделан под влиянием теоретической дискуссии отцов-основателей социологии, либо автор вдохновился подходом шведского историка Ханса Хильдебранда [Кан, 1974, с. 13–14]. В рамках подготовки коллективного труда *Sveriges historia från äldsta tid till våra dagar* («История Швеции с древнейших времен до наших дней»), состоящего из шести частей, в 1877 г. Х. Хильдебранд опубликовал вторую часть труда *Sveriges medeltid, senareskedet, från år 1350 till år 1521* («Швеция в позднее Средневековье: период с 1350 по 1521 год»). В конце книги дан *Öfversigt af Sveriges inre utveckling under medeltidens senareskede* («Обзор внутреннего развития Швеции в позднее Средневековье»), где можно найти знакомые подразделы, например, Handel (торговля), Kyrkan (церковь), Kloster (монастыри), Språket (язык), Vapen (оружие), Rådet (Совет) и др. [Hildebrand, 1877, ss. 482–502]. Подобное структурное

сходство с работами Хильдебранда едва ли является случайным. Учитывая, что Руут в период своего обучения, несомненно, ознакомился с этим изданием, можно предположить, что он сознательно или бессознательно заимствовал принципы построения текста при написании собственного исследования.

Идея о переводе книги Ю. В. Руута витала в воздухе многие десятилетия. Однако лишь осенью 2022 г. Выборгский объединенный музей-заповедник смог начать реализацию проекта по переводу и изданию монографии. Для музея получение русскоязычного текста, помимо академической миссии, продиктовано задачами по созданию новой большой экспозиции, посвященной семи столетиям истории города. Перевод текста выполняется старшим научный сотрудником О. В. Костанда, выпускницей кафедры скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ, руководителем Санкт-Петербургского семинара переводчиков шведской художественной литературы им. А. В. Савицкой. Научную редактуру текста осуществляет редакционная коллегия, состоящая из директора музея В. А. Белоусова, заместителя директора по научной работе А. В. Мельнова, ученого секретаря Ю. И. Мошник, старших научных сотрудников С. А. Куприк, Л. Г. Волковой, научного сотрудника И. Г. Лужецкого.

Для переводчика работа над таким монументальным трудом, как «История города Выборга», является ценным опытом, но при этом таит в себе немало проблем и подводных камней. Дело в том, что работа над переводом сочинения Руута оказалась особенной со всех точек зрения. Прежде всего, не так часто в переводческой практике приходится браться за книги такого объема, охватывающие столь широкие временные и тематические пласты. С одной стороны, зная, что трудиться над переводом придется не год и не два, а несколько лет, можно постепенно, не торопясь, привыкнуть к автору и попробовать подружиться с ним. С другой стороны, не видя света в конце тоннеля, день за днем погружаясь в пучину руутовских витиеватых фраз, порой по-научному сухих, порой патетически цветастых, можно впасть в уныние и утратить переводческий азарт. Поэтому исключительно важной и ценной стала еще одна особенность этого переводческого проекта – тесное сотрудничество с научными редакторами. Профессия переводчика – это, как правило, очень одинокий путь, а в данном случае ежемесячные заседания редколлегии, да еще и не где-нибудь, а в Выборгском замке, служат источником вдохновения и бесценных профессиональных знаний.

Необычным является и то, что «История города Выборга» написана на рубеже XIX–XX вв., в соответствии с грамматическими и лексическими нормами шведского языка того времени. Здесь большим подспорьем служит Шведско-русский словарь под редакцией И. Е. Мандельштама, который зафиксировал языковые нормы шведского и русского языков на рубеже XIX–XX вв., а также ряд устаревших понятий и наименований [Мандельштам, 1905]. Помимо этого, при работе активно используется электронная версия Словаря Шведской Академии (*Svenska Akademiens ordbok*, сокращенно *SAOB*) – исторического словаря шведского языка, издаваемого Шведской Академией, а также исторического административного словаря (*Förvaltningshistorisk ordbok*) от Общества шведской литературы в Финляндии.

Удивительным открытием для переводчика стало то, что в самых тупиковых ситуациях, когда никак не удастся подобрать точное русское соответствие какому-нибудь слову с узким специфическим значением, часто оказывается достаточным это

слово транслитерировать. Так, благодаря коллегам-историкам, удалось обогатить свой словарный запас такими чудесными «русскими» словами, как мантильмауэр, геймат, лакен, стапель, гислалаг, фамн и другие.

Особую полемику вызывают вопросы транслитерации со шведского и немецкого языков имен собственных согласно современным правилам. Все же в тексте читатель встретит уже закрепившееся написание Васа, а не Ваза; Хорн и Хонверк, а не Горн и Горнверк. В каждом конкретном случае приходится принимать отдельное решение, поскольку все попытки выработать единый принцип транслитерации сталкиваются с неблагозвучностью некоторых русских вариантов, невозможностью идти против устоявшейся нормы или другими соображениями. Так, ни «Чурка», ни «Щурка» не представляются удачными вариантами транслитерации, как бы близки они ни были по звучанию к шведскому слову *Kyrka* (церковь). Например, в случае топонима *Nykyrka* (совр. поселок Поляны), используется закрепившийся в дореволюционной русской традиции вариант – Ньюкирка. Такой перевод слова является своеобразным симбиозом, сочетая шведское *Ny* («новый») и финское *Kirkko* («церковь»).

Интересно отметить, что Ю. В. Руут – финляндский швед, а финляндский вариант шведского языка также обладает рядом особенностей. Кроме того, многочисленные цитаты на латыни, на немецком и финском языках Руут приводит без перевода, видимо, полагая, что его образованные современники в достаточной мере владеют этими языками. В нашем случае редакционная коллегия обратилась к коллегам-специалистам для точной интерпретации этих фрагментов. Перевод немецкоязычных цитат выполнен доктором исторических наук, профессором Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Мариной Борисовной Бессудновой. Латинские тексты переведены кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Владимиром Ивановичем Мажугой.

Наконец, само полотно текста полно причудливых узоров и загадок. Наверное, это главный аргумент в пользу того, что перевод «Истории города Выборга» – это подарок судьбы. На первый взгляд, текст выдержан в едином, строго научном стиле: длинные фразы с множеством придаточных, дотошные перечисления, точные формулировки, большое количество сносок с подробными комментариями. Однако в процессе работы обнаружилось, что Руут также мог быть мастером художественного слова и увлеченным рассказчиком. Когда чувствуешь искренний интерес автора к предмету исследования и при этом осознаешь, что все эти описания – и небесных знамений, и средневековых драк в присутственных местах, и взаимных обманов, и хитростей купцов – не вымысел, а задокументированные свидетельства, перед глазами оживают картинки прошлого, история представляется на удивление близкой и осязаемой, а на Выборг начинаешь смотреть другими глазами.

Редакционная коллегия, в свою очередь, адаптирует перевод текста под отечественные требования к академическим изданиям наших дней. В то же время поставлена задача воспроизвести издание максимально близко к оригинальной публикации начала XX в. В большинстве случаев редколлегия старается следовать переводческому принципу «идти за автором», кроме тех случаев, где требуются

соблюдение единообразия, адаптация к нормам русского языка и отечественной историографии. В то же время сделан ряд исключений в тех случаях, когда то или иное написание топонимов или имен собственных закрепилось в русской историографии и является своего рода энциклопедичным. В каждом случае решение принимается с оглядкой на публикации коллег последних десятилетий.

Еще одной проблемой для редколлегии является перевод наименований социальных и государственных институтов, правовых актов и т. п., относящихся к административному управлению в Швеции и Герцогстве Финляндском эпохи Средневековья и Раннего Нового времени. Кроме того, в «Старой Финляндии», т. е. Выборгском лене, а затем Выборгской губернии, существовал ряд региональных особенностей. Поскольку мы имеем дело с монографией охватывающей широкий временной период с XIII по XIX вв., а ряд социальных институтов под одним и тем же названием просуществовал почти на всем временном отрезке, то редакционной коллегией было принято решение использовать устоявшиеся термины в дореволюционной юридической теории и практике Великого княжества Финляндского. Именно поэтому, вопреки современным правилам транслитерации, для «уездов» используется форма герад, а не хэрад (*härad*). Вместо попытки перевести термин *rådhusrätt* как «Ратушный суд», использована устоявшаяся дореволюционная форма «Ратгаузский суд», в то время как слово *råd* воспроизводится как «ратуша» или «городской совет». Это продиктовано тем, что слово Ратуша устоялось в отечественной историографии, городской топонимике и официальном наименовании памятников архитектуры Выборга, например, Башня Ратуши, в то время как «Ратгаузский суд» встречается в главах, посвященных XIX в., а также в наименованиях архивных документов. В таких случаях осовременивание терминов было признано избыточным.

Редколлегия воздерживается от «модернизации» авторских взглядов, сохраняя оригинальную концепцию изложения автора, включая полемичные трактовки русско-шведских. Специфический научный аппарат с сокращениями и библиографическими описаниями адаптируются к современным отечественным нормам и стандартам. Проблема разночтений в написании имен собственных и топонимов: последние автор весьма вольно чередует в их шведско- и финскоязычных формах, пояснение современному читателю утраченных названий улиц, населенных пунктов и геонимов – будет решена в приложении в именном и географическом указателях.

Заключение

«История города Выборга» Юхана Вильгельма Руута, написанная более ста лет назад, до сих пор остается самым полным исследованием о Выборге, а теперь еще и становится доступной русскоязычным читателям. Труд Ю. В. Руута приобретает особую ценность сегодня, когда многие описанные им архитектурные доминанты – Выборгский замок, здание бывшей Ратуши, дома и кварталы Старого города – продолжают формировать облик современного Выборга. Руут не просто перечисляет факты, а показывает, как формировался облик Выборга. В значительной степени именно он очертил контуры градостроительной биографии Выборга, определив на основании документов даты возведения памятников старины и ряда

общественных сооружений города. Благодаря трудолюбию автора и более чем основательному подходу к делу изучения Выборгской истории, книгу и по сей день можно использовать в качестве «выборгской энциклопедии». Издание буквально помогает увидеть, как менялся Выборг на протяжении веков. Книга будет интересна широкому кругу читателей, ведь она освещает такие аспекты, как развитие городского самоуправления, особенности торговых связей между Россией и Европой, а также процессы культурного взаимодействия, предлагая читателю получить взгляд на город как на живой организм, в котором политические, экономические и культурные процессы тесно переплетены.

Библиографический список

- Адаскина, В. И., Вассель, И. П., & Риор, Э. М. (1961). *Выборг и его окрестности: краткий путеводитель*. Ленинград: Гидрометеиздат.
- Волкова, Л. Г. (2022). Вильгельм Габриэль Лагус–младший (1837–1896): к 185-летию со дня рождения. *Страницы Выборгской истории: сборник статей. Кн. 6* (с. 137–142). Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник.
- Кан, А. С. (ред.). (1974). *История Швеции*. Москва: Наука.
- Кепп, Е. Е. (1977). *Архитектурные памятники Выборга XIII–XX вв.: путеводитель*. Ленинград: Лениздат.
- Мандельштам, И. Е. & Игельстром А. (1905). *Шведско-русский словарь: составлен по поручению Финляндского сената И. Мандельштам и А. Игельстром*. Helsingfors: Finska litteratursällskapet tryckeri.
- Руут, Ю. В. (2024). *История города Выборга. Ч. 1. Гл. 1: Феодальный и Ганзейский период 1323–1534 годов: перевод со шведского*. Санкт-Петербург; Выборг: Инкери: Выборгский объединенный музей-заповедник.
- Сакса, А. И. (2020). *Из истории одного выборгского средневекового дома: археологические исследования в Выборге у «Дома купеческой гильдии» в 2004–2012 годах*. Санкт-Петербург: Арка.
- Тиканваара, Х. (2020). Рагнар Розен (29.07.1898–15.08.1964). *Страницы Выборгской истории. Кн. 4* (с. 513–519). Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник.
- Тюленев, В. А. (1995). *Изучение старого Выборга*. Санкт-Петербург: ИИМК. (От Северной Руси к Северной Пальмире; Выпуск 7).
- Gardberg, C. J., & Welin, P. O. (1996). *Viipuri – kivistä rakennettu kaupunki*. Helsinki: Otava.
- Halila, A. & Ruuth, J. W. (1974). *Viipurin kaupungin historia. Osa 2: Vuodet 1617–1710*. Helsinki: Torkkelin säätiö.
- Hildebrand, H. (1877). *Sveriges medeltid: senare skedet, fran år 1350 till år 1521*. Bd. II. Stockholm: H. Linnströms förlag. (Sveriges historia fran aldsta tid till vara dagar, med ofver 2000 trasnitt).
- Kauppi, U.-R., & Mil'chik, M. I. (1993) *Vanhan Suomen pääkaupunki = Vyborg: stolica Staroj Finljandii = Viborg: Gamla Finlands huvudstad*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Kuujo, E. (1975). *Viipurin kaupungin historia. Osa 3: Vuodet 1710–1812*. Helsinki: Torkkelin säätiö.
- Kuujo, E. (1981). *Viipurin kaupungin historia. Osa 4: Vuodet 1812–1917*. Helsinki: Torkkelin säätiö.
- Lagus, G. W. (Jr.) (1893). *Ur Wiborgs historia. Del I*. Wiborg: N. A. Ziliacustrickyckeri.
- Lagus, G. W. (Jr.) (1895). *Ur Wiborgs historia. Del II. Häft 1*. Wiborg: N. A. Ziliacustrickyckeri.
- Professori, J. W. Ruuthin ruumiinsiunaus. (1928, 23 maaliskuuta). *Uusi Suomi*. S. 6.
- Rosén, R. (1931). *Viipurin kaupungin historia. Osa 1: Vuoteen 1617*. Viipuri: Viipurin kaupunki.
- Rosén, R. (1982). *Viipurin kaupungin historia. Osa 1: Vuoteen 1617*. Helsinki: Torkkelin säätiö.
- Ruuth, J. W. (1882). *Tutkimuksia Suomen ja Hansan välisistä suhteista ennen vuotta 1435*. Helsinki (Helsingfors).
- Ruuth, J. W. (1891). Suomen räilssimiesten sineteistä lopulla 1500-lukua ja alussa 1600-lukua. *Historiallinen arkisto, 11* (s. 286–348). Helsinki: Suomen historiallinen seura.
- Ruuth, J. W. (1892). 1500-luvun maakirjoissa mainituista “flöte-veroista”. *Historiallinen arkisto, 12* (s. 52–87). Helsinki: Suomen historiallinen seura.
- Ruuth, J. W. (1892–1893). *Ranskan historia. 1 vih.* Helsinki: Kansanvalistus-seura.
- Ruuth, J. W. (1897). *Björneborgs stads historia*. Helsingfors.
- Ruuth, J. W. (1906). *Viborgs stads historia. Bd. I*. Helsingfors: Helsingfors central tryckeri och bokbinderi aktiebolag.
- Ruth J. W., & Sim, G. W. H. (1904–1908). *Viipurin kaupungin historia Viipurin kaupungin kustantamo*. Viipuri: N. A. Ziliacus'en kirja.
- Ruuth, J. W. (1906). *Viborgs stads historia. Bd. II*. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi aktiebolag.
- Viiste, J. (1943). *Viihtyisävanha Viipuri*. Porvoo: WSOY.

References

- Adaskina, V. I., Vassel, I. P., & Rior, E. M. (1961). *Vyborg and its surroundings: a short guidebook*. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ. (In Russian).
- Gardberg, C. J., & Welin, P. O. (1996). *Viipuri – kivistä rakennettu kaupunki*. Helsinki: Otava Publ. (In Finnish).
- Halila, A. & Ruuth, J. W. (Uud.). (1974). *Viipurin kaupungin historia. Osa 2: Vuodet 1617–1710*. Helsinki: Torkkelin säätiö Publ. (In Finnish).
- Kan, A. S. (Ed.). (1974). *History of Sweden*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Kauppi, U. -R., & Miltsik, M. (1993). *Vyborg: stolica Staroj Finljandii*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Publ. (In Finnish).
- Kepp, E. E. (1977). *Architectural monuments of Vyborg of the 13–20th centuries. A guidebook*. Leningrad: Lenizdat Publ. (In Russian).
- Kuujo, E. (Uud.). (1975). *Viipurin kaupungin historia. Osa 3: Vuodet 1710–1812*. Helsinki: Torkkelin säätiö Publ. (In Finnish).
- Kuujo, E. (Uud.). (1981). *Viipurin kaupungin historia. Osa 4: Vuodet 1812–1917*. Helsinki: Torkkelin säätiö Publ. (In Finnish).
- Lagus, G. W. (1893). *Ur Wiborgs historia. Del I*. Wiborg: N. A. Ziliacstryckeri Publ. (In Swedish).
- Lagus, G. W. (1895). *Ur Wiborgs historia. Del II. Häft 1*. Wiborg: N. A. Ziliacstryckeri Publ. (In Swedish).
- Mandelstam, I. E. (1905). *Swedish-Russian dictionary*. Helsingfors: Finska litteratursällskapet tryckeri Publ. (In Russian).
- Professori, J. W. Ruuthin ruumiinsiunaus. (1928, 23 maaliskuuta). *Uusi Suomi*. S. 6. (In Finnish).
- Rosén, R. (uud.) (1931). *Viipurin kaupungin historia. Osa 1: Vuoteen 1617*. Viipuri: Viipurin kaupunki Publ. (In Finnish).
- Rosén, R. (uud.) (1982). *Viipurin kaupungin historia. Osa 1: Vuoteen 1617*. Helsinki: Torkkelin säätiö Publ. (In Finnish).
- Ruuth, J. W. (1882). *Tutkimuksia Suomen ja Hansan välisestä suhteista ennen vuotta 1435*. Helsinki (Helsingfors). (In Finnish).
- Ruuth, J. W. (1891). Suomen rälssimiesten sineteistä lopulla 1500-lukua ja alussa 1600-lukua. *Historiallinen arkisto*, 11, Helsinki: Suomen historiallinen seura, 286–348. (In Finnish).
- Ruuth, J. W. (1892). 1500-luvun maakirjoissa mainituista “flöte-veroista”. *Historiallinen arkisto*, 12(1), 52–87. (In Finnish).
- Ruuth, J. W. (1892–1893). *Ranskan historia. 1 vih.* Helsinki: Kansanvalistus-seura. (In Finnish).
- Ruuth, J. W. (1897). *Björneborgs stads historia*. Helsingfors. (In Swedish).
- Ruth, J. W., & Sim, G. W. H. (1904–1908). *Viipurin kaupungin historia Viipurin kaupungin kustantamo*. Viipuri: N. A. Ziliacus'en kirja. (In Finnish).
- Ruuth, J. W. (1906). *Viborgs stads historia. Bd. I*. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi aktiebolag Publ. (In Swedish).
- Ruuth, J. W. (1906). *Viborgs stads historia. Bd. II*. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi aktiebolag Publ. (In Swedish).
- Ruuth, J. W. (2024). *History of Vyborg. Part one. Chapter one: Feudal and Hanseatic period 1323–1534*. Vyborg: Vyborg United Museum Reserve Publ. (In Russian).
- Saksa, A. I. (2020). *From the history of a medieval Vyborg house: archaeological research in Vyborg at the “Merchant Guild House” in 2004–2012*. Saint Petersburg: Arka Publ. (In Russian).
- Tikanvaara, H. (2020). Ragnar Rosén (29.07.1898–15.08.1964). *Pages of Vyborg history. Book 4* (pp. 513–519). Vyborg: Vyborg United Museum Reserve Publ. (In Russian).
- Tulenev, V. A. (1995). *Learning old Vyborg*. Saint Petersburg: IIMK Publ. (In Russian).
- Viiste, J. (1943). *Viihtyisävanha Viipuri*. Porvoo: WSOY Publ. (In Finnish).
- Volkova, L. G. (2022). Wilhelm Gabriel Lagus Gr. (1837–1896): to the 185th anniversary since his birthday. *Pages of Vyborg history. Book 6* (pp. 137–142). Vyborg: Vyborg United Museum Reserve Publ. (In Russian).

Поступила в редакцию / Received 18.02.2025
Принята к публикации / Accepted 21.03.2025

Об авторах / About the authors

Мельнов Алексей Витальевич – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Выборгский объединенный музей-заповедник, Выборг, Россия.

Melnov Alexey Vitalyevich – Cand. Sci. in History, Deputy Director for Research, Vyborg United Museum Reserve, Vyborg, Russia.

ORCID: 0000-0002-2901-6984; e-mail: alexmelnov@yandex.ru

Костанда Ольга Валентиновна – руководитель Санкт-Петербургского семинара переводчиков шведской художественной литературы им. А. В. Савицкой; старший научный сотрудник, Выборгский объединенный музей-заповедник, Санкт-Петербург, Россия.

Kostanda OlgaValentinovna – Leader of the Seminar for Translators of Swedish Fiction; Senior Researcher, Vyborg United Museum Reserve, Saint Petersburg, Russia.

ORCID: 0000-0001-8755-8557; e-mail: olgakostanda@mail.ru

Куприк София Алексеевна – старший научный сотрудник, Выборгский объединенный музей-заповедник, Выборг, Россия.

Kuprik Sofia Alexeevna – Senior Researcher, Vyborg United Museum Reserve, Vyborg, Russia.

ORCID: 0009-0008-8165-1820; e-mail: sofiya_kuprik@vk.com

CAURUS

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 4 № 1 2025